

Александр Ульянов

Отражение

Александр Ульянов

Отражение

«Издательские решения»

Ульянов А. Б.

Отражение / А. Б. Ульянов — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-834520-3

Лето это время отпусков и каникул. Что принесет поездка в неизвестность? Какие сюрпризы готовит им судьба? Как изменятся герои и смогут ли они найти дорогу домой? Что заставит школьницу взять в руки оружие?

ISBN 978-5-44-834520-3

© Ульянов А. Б.
© Издательские решения

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	11
Глава 3	16
Глава 4	24
Глава 5	32
Глава 6	38
Глава 7	44
Конец ознакомительного фрагмента.	48

Отражение

Александр Борисович Ульянов

© Александр Борисович Ульянов, 2016

© Александр Борисович Ульянов, иллюстрации, 2016

Корректор Вероника Андреевна Русина

ISBN 978-5-4483-4520-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава 1

Утро выдалось на славу. Я курил первую сигарету на балконе и смотрел вниз с высоты седьмого этажа старого панельного дома. Люблю раннее утро выходного дня: город спит, редкий прохожий куда-то торопится, кажется даже, что он спешит не по своим делам, а оттого, что боится своим присутствием потревожить это утро. Какая-то пичуга робко выпустила первую трель и тут же затихла, то ли поняла, что еще слишком рано, то ли у птиц тоже бывают проблемы с голосом по утрам. Расслабленной вальяжной походкой к помойке прошествовал рыжий кот, всем своим видом выражая презрение к окружающему миру. Презрительность и вальяжность мигом слетели, когда, повернув за кирпичную ограду помойки, рыжий наткнулся на пару псов, пришедших пораньше в поиске завтрака. Встреча была чрезвычайно неожиданной: мне даже показалось, что я слышу удивленно-испуганный мям. Кот подпрыгнул, разворачиваясь и начиная грести лапами, еще в воздухе дал дёру, собаки оглянулись, на их мордах наверняка читалось недоумение, – кошака они уже не могли видеть.

Я улыбался. Через пару-тройку часов такого уже не увидишь. Шум мегаполиса убьет утреннюю идиллию. Я погасил окурок в пепельнице и вернулся в квартиру.

Из соседней комнаты раздалась мелодия будильника. Надо торопиться, еще два будильника и в ванную мне не попасть. Не понять мне этой привычки: почему нельзя встать с первой попытки? зачем просыпаться с первого звонка, затем засыпать на пять минут и снова проснуться от второго звонка и так далее, окончательно встав только с пятого?

Хотя в этот раз, кажется, Ринка изменила своим привычкам, – видимо, первый день каникул хочется начать пораньше. В этом году она решила поддержать меня в моем вояже, еще с нового года уговаривая взять ее с собой. Я и не был особо против ее компании, но ехать одному, незнамо куда, – это одно, а брать еще и ребенка, пусть даже такого самостоятельного и ответственного, – это уже определенные рамки. Но в глубине души я был рад, что она не выбрала поездку с мамой к бабушке. К тому же эта поездка стала неплохой мотивацией для успешного окончания учебного года.

Выйдя из душа, я ощутил запах кофе. Я всегда любил хороший зерновой кофе, но никогда не любил его варить. Есть у кофе такая особенность: стоит отвернуться буквально на секунду и половина джезвы уже на плите.

– Пап, доброе утро, а я тебе кофе сварила, как ты любишь, – протараторила дочка улыбаясь.

– Привет, что-то ты рано встала! Неужели, чтобы кофе сварить? – подмигнул я.

– Так мне же не в школу вставать, вот и выспалась быстро! – рассмеялась девочка.

На столе стояла широкая тарелка с многослойными бутербродами. Ринка умела их делать, но никогда не повторялась и не говорила, что туда положила.

– С чем бутерброды? – как обычно спросил я, заранее зная ответ.

– Лучше тебе этого не знать! – с напускной таинственностью ответила кулинарка.

Бутерброд, и правда, был хорош, но кроме расплавленного сыра что-либо распознать было невозможно. Отчаявшись в очередной раз угадать, что же съел, я отдался полностью на волю судьбы и спросил нарочито деловым тоном:

– Итак, Катерина, у нас есть три недели, джип и полная свобода передвижения. Какие предложения?

– А почему только три недели? У тебя же отпуск полтора месяца, а я – так и вообще свободна до сентября! – удивилась мелкая эгоистка.

– А ты не подумала, что через три недели возвращается наша мать, было бы неплохо как-то воссоединиться семьей для продолжения отдыха.

– Я думала, что она на весь отпуск у бабки останется?! Знаю я это воссоединение: опять начнете объезжать всех ваших друзей, жель, блин! – она начала злиться. – Пап, только давай без дяди Толи... Он сам противный, а его Лёшка вообще урод, еще и клеится ко мне, придурок.

– Так, Катя, во-первых, ты все прекрасно знала, и у тебя был выбор – лагерь; во-вторых, мы с тобой договаривались насчет твоего сленга, а в третьих мы с мамой еще ничего не решили, она приезжает, мы встречаем и все вместе думаем! – резко ответил я.

Иногда приходится разговаривать резко. Есть у Ринки способность: чуть дашь слабину и сразу из отца в какого-то пацана превращаешься. Рано, ох рано мы ее родили. Говорят, что поздний ребенок вырастет изнеженным и избалованным чрезмерной заботой, зато ранний ребенок не испытывает к родителям должного уважения, а относится в лучшем случае как к старшим друзьям. Как найти золотую середину, – никто толком не знает.

– Ладно, давай лучше подумаем куда поедем? – наливая вторую чашку, спросил я.

– Ну-у, – протянула она, – я тут прикинула один маршрут, сейчас ноут принесу и покажу.

Ринка направилась в комнату за ноутбуком, а я тем временем освободил место на столе.

– Вот, смотри какая карта интересная, – она открыла браузер на заранее подготовленной странице. – Едем по федералке вот до этого городка, а из него уходим во-от сюда, – она, ловко орудуя мышкой, перетаскивала карту. – Вот здесь какой-то поселок, от него – налево, и вуаля – лес, озеро и все прелести. Даже, смотри, на той стороне озера деревушка обозначена, может, там даже домик, ну, или комнатку снимем.

– Ну, для начала неплохо, но не будем же мы три недели торчать в лесу у озера? Так и мхом порастем.

– Конечно, не будем, я и культурную программу предусмотрела. В городке, который будем проезжать, куча всяких интересностей.

– Пряма таки и куча, – засомневался я.

– Ну, может, и не куча, но на некоторое время хватит, а потом дальше поедем, – я тебе еще не всё показала, – Ринка снова склонилась над компьютером.

– Хорошо- хорошо, сдаюсь, – я шутливо поднял руки, – как ты придумала, так и поедем, только распечатай все эти отворотки, – я сомневаюсь, что навигатор их знает.

– Уже всё распечатано, – хитро улыбнулась девочка.

– Экая ты самоуверенная, а если бы мне не понравилось? – делано нахмурился я.

– Тогда бы тебе пришлось самому придумывать, а тебе этого совсем не хочется! – она рассмеялась и захлопнула крышку ноутбука.

Направление мне и в самом деле нравилось, главным образом, с точки зрения водителя: трасса спокойная, машин и населенных пунктов там немного; дорога не разбита грузовиками, а значит можно держать постоянную скорость.

– Ну, хорошо, решено! – резюмировал я. – Ты вещи собрала?

– Пап, я еще на той неделе все собрала, осталось только шмотки покидать, – и я готова! – укоризненно посмотрела она.

– Тогда дуй в душ и готовься, а я пойду за машиной, – сказал я, допивая кофе. – Кстати, спасибо за завтрак. Бутерброды хоть и вкусные, но меня все же интересует, что ты в них кладешь. – Улыбнувшись Ринке, я встал из-за стола.

Многие бросают машину прямо во дворе, под окнами. Раньше и я так делал, но в какой-то момент мне надоело подбегать к окну на любой звук. К тому же, стоянка находится в пяти минутах спокойной ходьбы, а пятиминутная прогулка совсем не повредит.

Выйдя из подъезда, я достал сигареты и закурил, – торопиться не хотелось. Неспешной походкой я направился в сторону стоянки. Проходя мимо магазина, я вспомнил, что еще не куплены так называемые «товары в дорогу». Ассортимент там небольшой, да и цены высоковаты, но магазинчик достаточно уютный, а главное – рядом.

Обычно я беру большую бутылку пепси в дорогу, по той простой причине, что когда хочется пить, то можно выпить много воды или вкусного напитка, а потом искать место, где бы остановиться. Пепси же – такая гадость, что много не выпьешь, но глоток способен унять легкую жажду и смыть сухость после сигарет. Теперь же я не один, так что останавливаться все равно будем.

– Что для вас? – голос продавщицы был каким-то механическим, видимо, я попал еще до пересменки, и девушка сидит тут сутки.

– Будьте добры, пакет виноградного сока, пакет – яблочного, – пальцем указывая марку, начал перечислять я, – большую бутылку минералки без газа и упаковку влажных салфеток. Карты нет, пакет нужен.

Девушка на автомате подала мне пакет и стала выкладывать названные товары. Расплатившись, я вышел из магазина.

Интересно, ради какой выгоды маленький магазинчик делают круглосуточным? Тем более, что торговля спиртным ночью запрещена. Сомневаюсь я, что ночная прибыль оправдывается; скорее, хозяин просто жмот, – не хочет, чтобы магазин простаивал хоть час из арендованного времени.

Подойдя к будке охранника, я увидел Егора, он как всегда сидел в своём любимом кресле под навесом. Этот человек, наверно, никогда не спит: когда бы я ни пришел, – он всегда на своем месте. Другие охранники предпочитают ночью спать. Оно и понятно: кто полезет в машину на стоянке, зная, что угнать не получится, а что-то украсть не реально? Пройти можно только через ворота, а уж звук сигнализации если и не разбудит охранника, то точно не оставит равнодушным Шайтана. Шайтан – это громадная дворняга, помесь кавказской овчарки со всем собачьим племенем. Помимо всех своих достоинств пёс каким-то своим шестым собачьим чувством знает, кто и зачем пришел.

Поздоровавшись с Егором и обменявшись стандартными фразами, я подошел к машине. Бросив на заднее сиденье пакет, я открыл капот. Проверил масло, тосол, тормозную жидкость, – всё в норме. Иначе и быть не может: автомобилю еще и года нет, но ритуал должен быть соблюден. Дополнив только бачок омывателя, я захлопнул капот и завел мотор; трехлитровый дизель довольно заурчал.

Около охранника я остановился.

– Егор, меня не будет недели три; пометь там у себя, что место условно свободное, может, удастся подхалтурить, да и ребятам скажи, что место пустовать будет.

– А ты, что, в отпуск или командировка? – Егор, особой заинтересованности не проявлял, просто что-то нужно было сказать.

– В отпуск, в отпуск, решили с дочкой съездить отдохнуть, – признался я.

– Это правильно. Ну, успехов тебе и удачи на дороге! – пробасил он, протягивая руку.

Обменявшись рукопожатием, я нажал на акселератор и вырулил со стоянки.

Удача мне сопутствовала: въезжая во двор я выпустил соседа, который паркует машину около подъезда, – значит, есть свободное место, чтобы комфортно загрузится, и не придется таскать вещи через полдвора.

Вещей собралось много: палатка, надувная лодка, два рюкзака со всякой одеждой, топоры, бензопила, ящик с инструментом, необходимый набор запчастей для автомобиля, – новый-то новый, но всякое случается. Все-таки «дикие» места не предполагают наличие маркетов и станций техобслуживания. На почетное место под задним диваном были погружены кейс-сейф с моим карабином Тигр, иначе именуемым охотничьим СВД, и наградным Бердышом, врученным мне «За особые заслуги перед Отечеством». Особая заслуга заключалась в толстом щекастом дядечке, которого я случайно спас от ваххабитов, сам того не ведая.

Туда же, под задний диван, погрузили Ринкин чемоданчик с луком. Стрельбой из лука она начала увлекаться еще до школы, вместо возни с куклами она бегала с мальчишками

в деревне. Играли в индейцев или во что там дети играют, – в общем, вместо косичек и бантиков были у нас разодранные коленки, ссадины и царапины – весь набор среднестатистического сорванца. Дедушка, Ленкин папа, заметив увлечение внучки, выстругал ей лук, нарезал стрел из камыша, и девчушка с ним никогда не расставалась. Даже когда мальчишки начали играть в войну и переключались на автоматы и ружья, она ловко вписывалась в легенду игры со своим луком. Потом, уже начитавшись книжек про гномов и эльфов и сдружившись в интернете с такими же чокнутыми людьми, которые гордо называли себя «ролевиками», она подошла и поставила перед фактом: мол, любимые родители, хочу заняться спортивной стрельбой из лука, ибо я очаровательная эльфийка, а эльфы – лучшие лучники. Долго спорили: все-таки уже ходит на гимнастику и на рукопашный бой, а тут еще и лук. Но ничего, потянула, и даже на школьной успеваемости не отразилось. В этом году заняла первое место на каких-то внутренних соревнованиях, и на полке её секретера стоит первая награда, – фигурка лучника. В этой связи мы с женой подарили чаду любимому блочный лук, – он компактнее, мощнее и требует меньше сил, по крайней мере, мы так думали. Но, оказалось, что лук этот годится только для тренировок, ну или для семейных выездов за город, – стрелять из него по людям в игровых целях крайне нежелательно. Луком Ринка всё равно осталась очень довольна, и без него не обходился ни один выезд на природу. Пострелять по банкам и прочим мишеням было нашим любимым семейным занятием.

Всегда удивляло, – начинаешь собирать вещи, вся квартира завалена сумками, рюкзаками, баулами и прочим барахлом, кажется, что ничего не поместится, а начинаешь грузить, и как то все распахивается, распределяется, и полкунга еще свободно.

– Ну, вроде всё, ничего не забыли? – оглядываю я комнату, – а это что за пакетик?

– Ой, это моё, я возьму!

– Ну что, Ринка, присядем на дорожку?

– Вот любите вы эти все суеверия, собрались – так поехали уже!

– Это не просто суеверие, это последний шанс вспомнить, может, что-то важное забыли.

– Ай, да ладно тебе, пап, ты же знаешь, что сколько ни сиди, – все равно что-нибудь да забудешь.

– Ты мобильник поменяла? Помнишь, что к твоему новому автомобильной зарядки нет?

– Уже есть, я вчера купила, я даже тройник для прикуривателя купила, теперь можно и оба телефона заряжать и еще гнездо свободное, – она показывает мне язык, – самому-то лень в магаз заглянуть.

– Умница, дочка! – отвечаю я фразой из известного мультфильма.

– Пап, ну вставай уже, поехали!

Я неторопливо поднимаюсь. Остался последний штрих: перекрываю воду, отключаю электричество, – тоже своеобразная дань традициям, – и мы выходим из квартиры.

По лестнице поднимается старушка, Мария Марковна, добрейшей души человек, не без заморочек, но не из тех «бабок», а именно – милая старушка.

– Здравствуйте, Мария Марковна! – хором здороваемся мы.

– Здравствуйте, здравствуйте! Уезжаете, я смотрю? Отдыхать? На все лето или как? – Мария Марковна произносит все быстро, словно боясь не успеть получить столь важную для нее информацию.

– Нет, Мария Марковна, ненадолго, на две-три недели. Потом Лена приезжает от мамы своей. – Охотно делюсь с ней почвой для сплетен. Пусть додумывает со своими приятельницами, почему Лена у мамы одна, и даже дочку не взяла. Улыбаюсь про себя, представляя эту гору сплетен, еще не рожденных, но уже созревающих.

– Понятно, понятно. А я вот мусор выносила, там опять собаки у помойки, я им косточку дала. Ну, пойду. Счастливой дороги, ребятки! – Подняв мусорное ведро и что-то охнув, Мария Марковна прошла мимо.

Подойдя к машине и открыв дверцу, я последний раз взглянул на окна нашей квартиры, – что-то защемило, так всегда бывает, когда надолго уезжаешь из дома. Когда я завел мотор, какая-то тень метнулась в сторону: это кот пригрелся под передним крылом на колесе и был напуган неведомым зверем, зарывавшим прямо над ухом.

– Ну, Ринка, в добрый час? Ремешок накинь! – мой голос не получился таким бодрым, как хотелось бы.

– Пап, да забей, ерунда это всё! – Но ремень натянула.

– Может, и ерунда, но есть закон, и ему нужно подчиняться.

– Да я не про ремень, я про твои суеверия.

– А это-то тут причем? – я недоуменно повернулся к ней.

– Настроение же у тебя испортилось? Марь Марковна с пустым ведром, да еще и черный кот.

– Ха, так это я суеверный? Рин, я даже внимания не обратил, просто уезжать всегда грустно. – Я потрепал дочку по макушке, опустил стекло, закурил и включил передачу.

Минут тридцать понадобилось нам, чтобы выбраться из города. Миновав последний пост ГИБДД, мы заехали на заправку, залили полный бак, подкачали колеса и, уже полностью укомплектованные, выдвинулись на трассу.

Глава 2

Дорога уверенно уходила под колёса автомобиля. Мы давно покинули федеральную трассу и катили по старому, но еще не разбитому асфальту. Других автомобилей было немного, изредка попадались поселки и деревни. Я развалился в кресле, гнать не хотелось, тихо играла музыка. Ринка перебралась на задний диван и завалилась там на спину, упершись босыми пятками в потолок. Уши заткнуты наушниками, пальцы что-то быстро барабанят по сенсорному экрану телефона, наверняка идет бурная переписка с каким-нибудь очередным бой-френдом.

Тема её мальчиков полностью закрыта для нас, да мы особо и не лезем, в конце концов, мы с женой еще прекрасно помним, какими были сами в её возрасте и не хотим повторять ошибок своих родителей. Ринка у нас умница: в чем-то безрассудна, как и многие подростки, но к счастью лишена тяги к так называемым детским понтам. Правда, вот юбки её я бы удлинил... с другой стороны, красивые ноги скрывать не стоит, да и постоять за себя она может, но все равно, лучший способ справиться с плохой ситуацией – это не попадать в нее.

Ринка вообще была в своем роде уникальна. С одной стороны, она тяготела ко всему мужскому – единоборства, автомобили, оружие и так далее, разве что футбол не смотрела, но это в меня. Обычно такие девушки и сами несколько мужеподобны, но Ринка не такая. При всех этих качествах она следит за своей внешностью, с удовольствием общается с подружками на всякие гламурные темы, слывет первой школьной красавицей. Модные журналы она листает с таким же упоением, как и мои автомобильные. Легко может переключиться с обсуждений преимуществ и недостатков дизелей на светские сплетни с последнего кинофестиваля. Излюбленное развлечение у неё – корчить из себя гламурную блондинку в мужском обществе, а когда кто-нибудь обращает на это внимание и соответствующе комментирует, мол, девочка, что ты можешь в этом понимать, она перевоплощается и разносит собеседника в пух и прах глубокими познаниями, при этом накручивая локон на палец и невинно хлопая глазками.

Солнце уже перекатилось через зенит, а живот недвусмысленно намекал, что не грех и подкрепиться. Температура за бортом плотно зависла на тридцати двух градусах, кондиционер исправно выполнял свою работу и мы вполне комфортно чувствовали себя в салоне автомобиля, но об обеде в придорожной кафешке не могло быть и речи, – жаримся. Ничего, обойдемся. Туристы должны уметь и любить есть на газете. К тому же дочка основательно подготовилась: имелась и жареная курочка, любовно завернутая в фольгу, и вареные яйца, и пучки зелени – одним словом всё то, без чего невозможно представить отрыв от домашнего очага.

– Рина, возьми в бардачке карту, – глядя на нее в салонное зеркало, попросил я, – сейчас населенный пункт должен быть; сориентируйся, может, там какое озеро есть, – можно остановиться искупаться да и перекусить. Или ты как?

– Я – только за! – оживилась она.

Перегнувшись через спинки, она достала карту и увлеченно зашуршала.

– Ринка, либо перелезь на переднее, либо останься на заднем, но не виси на спинке кресла, – прикрикнул я, улыбаясь. – Вон, вон, читай, как эта деревня называется!

– Заречье, – глянула она на знак, – ну, значит, как минимум река тут есть.

– Потрясающий образчик женской интуиции! – спрятав улыбку в уголках глаз, подтвердил я. – Смотри, магазинчик какой-то, зайдём? Хоть спросим, где тут народ охлаждается.

Заглушив мотор, мы вышли из машины, сразу ощутив горячий воздух, окутавший ноги. Ринка технично запрыгала, исполняя какую-то смесь из разминочных упражнений и дикого танца племен чарруа. Машина выглядела уставшим зверем, – я почти чувствовал, как он тяжело дышит, раздувая бока, над капотом воздух преломлялся от жара: тяжело мотору в такую жару, хоть приборы и показывают, что всё в норме, но я чувствую, как ему нелегко.

В магазине было на удивление прохладно. За прилавком румяная тетка в белом халате демонстративно отвернулась от нас. Ринка, надувая большие пузыри из жвачки, стала обходить магазин по периметру. Продавалось все – от резиновой лодки и до ирисок Кис-Кис.

– Девушка, – откровенно польстил я тётке, – а не подскажите: у вас в посёлке можно искупаться где-нибудь?

Лесть не прошла: окинув меня с головы до ног презрительным взглядом, тётка все-таки ответила.

– За поворотом метров через сто будет мост, сразу перед ним спуск к реке, не промахнетесь. Брать что-то будете, а то мне на обед пора?

– Папулик, а купи мне вон того петушка на палочке! – Ринка повисла на локте. – Ты же сам говорил, что они в сто раз лучше, чем чупа-чупсы.

У меня расширились глаза, что еще за «папулик»? какие чупа-чупсы?... Дочка их с роту в рот не брала.

– Ты это серьезно? – глядя в ее лукавые глаза, спрашиваю я. В уголках ее зеленых глаз явно прятались бесенята, которые что-то задумали.

– Конечно, серьезно, ну купи – купи, – она поднялась на цыпочки и чмокнула меня в щеку.

Я взглянул на ценник и выгреб пригоршню мелочи

– Посмотрите, сколько тут получится? – обратился я к тётке.

Она отодвинула пару монет, остальные сгребла в кассу и ловким движением бросила на прилавок три леденца, один из которых тут же очутился за щекой у Ринки.

– Кать, что это еще за «папулик»? – выйдя на улицу спросил я у дочери, остановив ее за руку.

– Ну-у, понимаешь, пап, она так на тебя смотрела, сам посуди: на папу с дочкой мы похожи меньше всего, вот я и изобразила дурочку – любовницу, – рассмеявшись, она выдернула руку и отбежала к машине, звонко хохоча. – Знаешь, сколько она теперь будет думать про «этих городских»? «Совсем стыд потеряли, он ей в отцы годится», – она произнесла это сварливым голосом, явно передразнивая тётку, – «а проститутка малолетняя явно ради кошелек с ним!» – Ринка продолжая веселиться, показала продавщице язык: та наблюдала за нами сквозь окно витрины и, увидев Ринкин жест, раздраженно сплюнула и отвернулась.

– Вот, Кать, где-то ты умная и взрослая, а где-то «дура-дурой и во рту чупа чупс», – вспомнил я фразу из некогда популярной песни, – перед тобой взрослая женщина и она подумала, что ты избалованная невоспитанная дочка, а я хреновый отец, который тебе ремня всыпать не может. Еще и меня заставила чувствовать себя полным идиотом.

Ринка перестала веселиться и притихла. Я знал, что в себе она всё проанализирует, и подобного больше не повторится, по крайней мере, настолько топорно.

Тётка не обманула, место было хорошее, река в этом месте изгибалась, образуя большой омут, до противоположного берега метров двадцать пять – прикинул я на глаз. На берегу грелась молодая пара, в сторонке, под большим раскидистым деревом, небольшой компанией что-то живо обсуждали, энергично жестикулируя, то и дело прикладываясь к внушительного вида канистре. Около воды сидели мама с маленьким мальчиком, мама делала бумажные кораблики, а мальчик бросал их в воду, с восторгом глядя, как их подхватывало и уносило течение. Открыв кунг, я достал сумку с купальными принадлежностями. Прикрывшись кое-как дверцами, мы переоделись и направились к воде, предвкушая скорую прохладу.

Твою ж ты мать!!! прохладу я просил! От холода сковало всё тело! Вынырнув на поверхность, я не сдержал рёв! Ринка хохотала, она не стала бултыхаться с ходу, а зашла только по колено. Ну это мы сейчас исправим, не будет над отцом глумиться. Веер бриллиантовых

брызг накрыл ее с головой, хохот превратился в истошное верещание, от такого ультразвука стая птиц снялась с насиженного дерева на противоположном берегу. Спасая свои перепонки, я снова ушел на дно. Второй раз уже лучше, – вода не настолько холодная, насколько велика разница между температурами воды и воздуха.

Интересная стихия – вода. Кем бы ты ни был на суше, хоть олигархом, хоть обычным слесарем, но скинув одежду и нырнув в воду, все это смывается, остается просто обычный человек. Говорят, что в бане все равны, – нет, не согласен; все равны здесь, вот в этой самой речке.

Через четверть часа, наплескавшись до синих губ, мы, тяжело дыша, лежали на надувном матрасе. Вытерев ладонь о полотенце, я достал сигарету. Еще бы ледяного пива – и счастье было бы обретено полностью.

Ринка, едва отдышавшись, принялась накрывать импровизированный стол. Стола конечно не было, но и до газеты дело не дошло. В ход пошла заранее приготовленная скатерть, на которой и расположилась наша нехитрая еда.

– Классное место, да? – Ринка вытерла пальцы салфеткой и перевернулась на спину. – Еще будем купаться?

– А ты как хочешь? – спросил я. Вообще-то не рекомендуют купаться после еды, но сколько той еды-то? Да и солнце припекало нещадно.

– Я бы тут жить осталась, – засмеялась она. – Может, и правда заночуем тут?

– Рин, времени еще полно, да и потом, это не прилично и не безопасно, останавливаться в таких местах. Наверняка вечером тут соберется весь местный бомонд, – усмехнулся я, вспоминая свою юность в похожей деревне.

– Жаль, ну давай тогда еще разок искупнемся, обсохнем и поедем.

– Так, а чего ты развалилась тогда? А ну бегом в воду! – я вскочил на ноги одним рывком. – Кто последний окажется на том берегу, тот вечером чистит картошку!

Кто меня за язык тянул?! эта стрела пронеслась мимо меня, обогнав еще на берегу, и с визгом ушла под воду, всплыв только на середине.

– Ну-у, так не честно, – подплыла она ко мне, развалившемуся звездой на середине воды. – Что, я одна должна плыть?

– Почему не честно, ты до берега-то доплыла?

– Нет, ты же не плывешь!

– У-у, дочь моя, ничего ты в военной хитрости не понимаешь, – подмигиваю я, переворачиваясь в воде.

Она поняла, но уже поздно; нехорошо, конечно, хитрить с ребенком, но что поделать. В несколько сильных гребков я достиг берега; надо отдать должное, отстала Ринка всего на полкорпуса, и это учитывая, что один раз она уже пересекла довольно широкое русло, пока я отдыхал на спине.

– Пап, ну ты и гад! Я же, по сути, два раза переплыла, – обида была наигранной, Ринка тщательно сдерживала улыбку, – так что это не считается, я выиграла!

– Выиграла, выиграла, молодчина, – картошка на мне, – соглашаюсь я, – а ты когда так плавать научилась?

– Да в прошлом году еще, в лагере, у нас вожатый спортсмен оказался по плаванию, вот и показывал, что и как правильно нужно делать.

– Повезло тебе.

– Угу, тебе бы так повезло: он деспот и тиран, у всех ребят с вожатыми все нормально, а этот по ночам обходы устраивал, смотрел, чтобы все спали.

– Просто человек ответственно относится к своей работе; он за вас переживает.

– Пап, ну ты же не зануда, сам -то понимаешь, что говоришь? – она покрутила пальцем у виска.

Я потерял её мокрую голову и легонько оттолкнул от себя.

– Ладно, поплыли обратно, ехать пора!

– Эй, красотка, здорово плаваешь! – на берегу нас окликнул один из тех парней, что сидели под деревом.

– Спасибо! – ответила Ринка и, посмотрев на меня, тихо добавила, – па, ты только не вмешивайся, я сама разберусь.

– В чем? – не сразу понял я.

– Может, посидишь с нами? – уже второй парень, постарше, повернулся в нашу сторону, – покажешь пару стилей, а то мы тут сидим, в воду зайти боимся, плавать не умеем!

– Ага, давай к нам, детка, а мужик твой пока за вином сгоняет, а то у нас уже закончилось! – третий гопник что-то допил из канистры и отставил от себя в мою сторону, широко улыбаясь щербатым ртом, – мужик, не в падлу, сгоняй, а?

Такой контингент мне был хорошо знаком: ими управлял стадный инстинкт, сознание того, что они в большинстве, придавало смелости. Парень с девушкой, лежавшие поодаль на покрывале, приподнялись на локтях и с интересом наблюдали за происходящим.

– Мне думается, уважаемый, что вино тебе не пригодится: знаешь ли, врачи не рекомендуют есть или пить после удаления зубов, а у вас их сейчас изрядно поубавится. – Я растянул губы в самой благожелательной улыбке. – Да, и пока ваша дикция не подверглась кардинальным изменениям, вследствие вышеизложенных причин, не могли бы вы мне подсказать, как лучше потом проехать к ближайшему травмпункту? Ибо я, как порядочный человек, буду просто обязан доставить вас к врачу.

– Чего? – хором удивились хулиганы, еще четверо парней из их компании, до этого игравшие в карты и не обращавшие внимания на происходящее, повернули головы в нашу сторону. – Он или очень борзый, или очень глупый, – задумчиво пробасил самый старший из них, лениво поднимаясь.

На вид ему было лет двадцать восемь; майка-борцовка подчеркивала накачанный торс, низкий лоб, маленькие уши плотно прижаты к черепу, рост невысокий, – и из-за этого он казался квадратным. Во всех движениях угадывался опытный боец; я вскользь отметил, что этого нужно вырубить первым, продолжая оценивать противников. Кодла тем временем начала неспешно нас обступать, пытаясь взять в кольцо. Долговязый паренек лет двадцати, – то ли самый смелый, то ли самый глупый, – шагнул ко мне и, слегка набычившись, толкнул в плечо:

– Мужик, ты что, самый борзый что ли, соску свою для хороших людей пожалел? Так мы её и сами возьмем, ты не бойся, мы ребята порядочные, поиграем и отдадим! – Он противно осклабился кривоzubым ртом и оглянулся на своих. – Верно я говорю?

Так, удар левой ладонью в нос, для ошеломления. Парень схватился за лицо, сквозь пальцы проступила кровь. Отлично! Хук с правой в челюсть прошел безупречно и опрокинул самонадеянного идиота на землю боком ко мне. И ногой под рёбра в печень, для убедительности! Серия прошла настолько быстро, что с лиц остальных гопников даже улыбка не успела спастись.

– Пап, не надо! – вскрикнула Ринка. – Давай уедем! – она потянула меня за руку.

– Катя, иди к машине, собери пока всё, я быстро поговорю с молодыми людьми и поедем, – как можно бодрее сказал я и шагнул навстречу ближайшему подонку, – тот быстро отскочил.

– Так это дочка твоя, что ли? – округлил глаза щербатый, отскакивая и поднимая руки, словно сдаётся.

– Ладно, мужик, извини, – квадратный шагнул ко мне, но угрозы я не почувствовал. – Мы были не правы. Ты, красавица, тоже извини! Вино крепкое попало, вот и переключило что-то, – он, виновато улыбаясь, протянул мне руку, – ну что, мир?

– Миру – мир! – ответил я и отвернулся, игнорируя его руку.

– Сука! – прошипело за спиной, – он мне нос сломал! Падла, встретимся еще!

За спиной раздалось какое-то перешептывание и глухой удар, сопровождающийся сдавленным стоном. Я не обернулся.

Обсыхать мы не стали; собрали вещи, переоделись и тронулись в путь.

Глава 3

– Бли-ин, вода нагрелась, вообще кипяток, – Ринка откинула от себя бутылку.

– Вряд ли в деревне минералку продают, а вот колодец или колонка быть должны, смотри по сторонам.

Первым колонку увидел я. Вылив из бутылки горячую минералку, я нажал на рычаг насоса. Тугая струя ударила в деревянную подставку для ведер. Неужели здесь еще кто-то ходит с ведрами за водой? Ринка подставила под струю горлышко бутылки, набрав за секунду половину, она осторожно отхлебнула и уже увереннее сделала несколько глотков.

– Будешь? – протянула она мне бутылку.

– Я думал, ты всё сейчас выпьешь, – усмехнувшись, я приложился к горлышку.

Вода была ледяной, аж зубы сводило, даже не чувствовался характерный хлорный привкус.

– Как водица, сынок?

Меня окликнул старик. Он был высок, немного сутулый, – хотя это из-за того, что за спиной у него висел довольно объемный рюкзак. Седые волосы были коротко острижены, лицо окаймляла густая, такая же седая, борода, явно ухоженная, а не отпущенная из-за отсутствия бритвы. Одет старик был довольно бедно и явно не по погоде. Брюки из непонятной ткани были аккуратно заправлены в изрядно поношенные, но тщательно начищенные кирзовые сапоги. Сапоги, конечно, были запыленные, но всегда можно отличить начищенную, но только что испачканную обувь, от той, которая вообще не знает щетки. Поверх рубашки, откровенно военного кроя, но почему-то темно-коричневого цвета, был старомодный пиджак с кожаными накладками на плечах и локтях. При всём этом старик явно не страдал от жары.

– Отличная водица, отец, – ответил я в тон ему, – тоже освежиться решили?

– В такую жару пить нельзя, все равно всё потом выйдет, – старик нагнулся к колонке и ополоснул лицо. – Дело у меня к тебе, сынок; не откажешь в помощи пожилому человеку?

– Если смогу, то помогу, возраст мы уважаем, – я переглянулся с Ринкой, она с интересом изучала старика.

– Живу я тут недалеко, три километра по асфальту, потом еще три в сторону, деревенька там моя, а магазина нет, вот и приходится в Заречье мотаться.

– Понятно, а мы чем можем помочь? – уже понимая, к чему клонит старик, спросил я.

– Да возраст, у меня уже не тот, вот спину прихватило, видимо погода к вечеру изменится, не дойду я, а у тебя машинка, смотрю, хорошая. Вот я и подумал, тебе же шесть километров не крик, а я тебя отблагодарю как смогу, не деньгами конечно, но угощу тебя таким, чего ты ни в одном магазине не купишь. Самогон я гоню, по старинному рецепту, который еще от моего деда достался. Ну так как, сынок?

– Ну что, Ринка, поможем дедушке? – подмигнул я дочери.

– Конечно, поможем! – ей явно понравилась идея небольшого приключения.

Я помог старику снять рюкзак и закинул его в кунг. Открыл дверцу, приглашая сесть. Старик как-то нелепо, но достаточно ловко погрузился и стал оглядываться в машине. Я сел за руль, Ринка, недовольная тем, что ее лишили переднего кресла, разместилась сзади.

– Меня все дедом Прохором зовут, или просто Дед, – представился старик.

– Я – Семен, -назвался я, – а это дочка моя, Ринка.

– Красавица у тебя доча, повезло тебе, – дед оглянулся и подмигнул девочке.

– Спасибо, – смутилась Ринка.

– А что за имя такое у тебя, дочка? Сколько живу – первый раз слышу, не русское, что ли?

– Производное от Екатерины, – привычно объяснила она, – Ринка – Катеринка. Папа хотел назвать Катей, а мама – Ирой. Вот нашли компромисс.

– Вон оно как! Воистину, век живи – век учишься! Вот сколько лет живу, а такого не слышал, – старик усмехнулся. – Машина у тебя хорошая, – перевел разговор на другую тему Дед, – американская, наверно?

– Нет, японская, – ответил я, – а вы давно тут живете?

– Да почитай с рождения, девяносто четыре года мне. Родился тут, учился тут, на фронт ушел отсюда. Здесь раньше много деревень было, да немец все пожег; Заречье уже после войны строили, а из старых – только моя и осталась. До войны большое село было, Лесное звалось, коней разводили, а теперь шесть домов только и стоит. Летом-то еще приезжают люди, а зимой мы вдвоем с бабушкой Антониной остаемся.

– Как же вы живете-то, бабушка Прохор? А зимой в магазин как? – разволновалась Ринка. – А если случится что? Скорую даже не вызвать.

– Ну почему – не вызвать? – Дед с ухмылкой достал старенький мобильник и показал ей. – Что ж, если мы в глуши живем, то и цивилизации не видим? У Антонины дети, внуки в городе, приезжают регулярно. Раз в неделю трактор автолавку привозит. Так что нормально живем, в чем-то лучше даже, чем в городе, – всё своё, свежее. Воздух, опять же, природа. Видели вы в своём городе дедов моего возраста? – Дед явно не первый раз заводил этот разговор о преимуществах деревни.

– Семен, вон заправка старенькая и поворот налево, нам туда, – сморщенный палец уперся в лобовое стекло, указывая направление.

Пикап с удовольствием стал отрабатывать подвеской все ямы и кочки, давая понять, что ровный асфальт ему опостылел и он готов покорить любое болото, доказав, что хозяину в утробе этого монстра не страшна никакая стихия. Дороги как таковой не было, была засохшая колея, набитая тракторами.

– Да, Дед, с дорогой не очень, – недовольно бросил я, непрерывно крутя баранкой и стараясь ловить поменьше ям.

– Ну извини, сынок, если бы не спина, я бы тебя не беспокоил.

– Как спина-то, кстати? – проявил я сочувствие.

– Да болит, проклятая; осколок у меня там, с войны еще, достать нельзя, как-то он застрял неудачно. Раньше вынимать не умели, а сейчас умеют, но боятся: говорят, в моем возрасте уже опасно. Да я с ним нормально живу, он мне погоду предсказывает: за день болеть начинает, сперва тихонько, а потом все сильнее и сильнее, а вот сегодня неожиданно прихватил. Чую, – ливень ночью будет.

На небе, и правда, стали появляться облака. Дорога вошла в лес, ветви смыкались над головой, образуя своеобразный коридор. Деревья подступали вплотную к колее, если бы встретился кто-то навстречу, разъехаться было бы невозможно.

– Ну вот, почти на месте: вон за той берёзкой поворот и мой дом. – Дед явно оживился. – Ребятки, а вы далеко ли путь держите?

– Да мы попутешествовать решили, куда глаза глядят, – признался я. – Хочется найти какое-нибудь озерцо глухое, разбить палатку, – в общем, пожить дикарями.

– Лихо вы придумали, – причмокнув губами, Дед просветлел. – А знаете, что, оставайтесь у меня на ночь, куда вы в дождь-то поедете? Места глуше не найти. Тут и озеро есть, дикое, ни туристов, никого не встретишь. Рыбы много. Рыбачить-то любишь?

Я кинул взгляд на Ринку через зеркало, она явно оживилась.

– Я не знаю, неудобно как-то, – засомневался я.

– А что тут неудобного? Дом у меня просторный, места хватит; пройдёте, осмотритесь, я вам озеро покажу. К тому же вы голодные, наверняка же с утра в пути. Ну если решитесь

пожить, то, конечно, не бесплатно, но и плата человеческая, – денег мне не нужно, поможешь мне по хозяйству. Тут починить, там подлатать. Ну как?

– Пап, а давай, и правда, посмотримся, интересно же! Я в таких местах никогда не была. Правда, давай, а?

– Хорошо, – сдался я, – посмотримся. – Но про себя подумал, что завтра же не позднее вечера отправимся дальше. Старик хоть и был мне симпатичен, но провести отпуск, стуча молотком и перекапывая грядки, мне не улыбалось. Еще не стерлись из памяти школьные каникулы в деревне у бабушки.

– Вот и ладушки, – повеселел Дед, – а то, знаете, как старику одному тоскливо. А вон и мой дом, первый справа. Швартуйся к калитке.

Остановившись, где указал Дед, мы вышли из автомобиля. В моем представлении, деревня, пусть и маленькая, должна выглядеть по-другому. Дома стояли вразнобой; выход на дорогу был только у двух домов, у дома напротив дверь вела вообще в противоположную сторону, прямо в лес, на дорогу выходило окно, из которого высунулась косматая рыжая голова. Пристально осмотрев гостей и узнав деда Прохора, голова крикнула:

– Дед, вот это ты сходил за хлебушком! Где такой «уазик» отхватил?

– Брысь, Игорюшка, не пугай добрых людей, черт рыжий, – Дед пригрозил голове кулаком и улыбнулся в бороду.

Голова тут же исчезла, но продолжала наблюдать из-за занавески. Я достал рюкзак и повернулся к деду Прохору:

– Куда его?

– Ой, сынок, будет тебе, ты уж меня совсем-то за немощного не держи. – Цепкие руки отобрали рюкзак и легко взвалили на плечо. – Ну идемте, покажу, как я живу.

Старик широким жестом распахнул калитку, приглашая нас пройти. Дом он не запирает, и мы беспрепятственно вошли в сени. Везде витал какой-то дух прошлого; в доме был идеальный порядок, как будто человек готовился к приему гостей. Лишь небольшие детали указывали на то, что человек прибирался не специально, а просто педантично поддерживает однажды утвержденный порядок.

Прохор провел нас в комнату; посредине, под гигантским абажуром, стоял массивный круглый стол, застеленный скатертью, стол окружали пять стульев, в углу висела небольшая икона, сервант хранил за своими замутненными стеклами остатки старых сервизов. У противоположной стены находился диван-книжка, почему-то я был уверен, что он не только не потерял пружины, но даже раскладывается. Над диваном висела картинная рама, но вместо картины в раме за стеклом были расположены старые черно-белые фотографии, некоторые пожелтевшие от времени. Имелся даже книжный шкаф заполненный плотными рядами разноцветных томов; рядом стояло, с виду очень уютное, кресло и маленький столик, на столике лежала книга, бережно обернутая газетой, там же – и очки в толстой оправе со шнурком на дужках. Имелась и кровать, широкая, с коваными спинками, всем своим видом призывавшая прилечь и отдохнуть после трудного дня. Вторая комната была раза в два меньше. Здесь тоже стояла кровать, такая же кованая, но односпальная. По крайней мере, по сравнению с тем гигантом, она казалась односпальной. У окна стоял письменный стол, а у противоположной стены – комод, с групповым фото в рамке на нем. На фото были запечатлены красивая женщина, сидящая на стуле, рядом стоял высокий мужчина в строгом костюме, у ног женщины сидели два мальчика. В мужчине угадывался наш знакомый. Я вопросительно посмотрел на Прохора.

– Это моя семья. Супруга, Екатерина Пантелеевна. Сыновья. Близнецы. Клим и Тим. Они погибли. – Мужчина говорил отрывками, явно переживая заново своё горе.

Мы молчали, создалась довольно неловкая ситуация. Прохор смотрел неотрывно на фотографию, вот только видел он отнюдь не то, что было изображено. Мысли его улетели глубоко в прошлое, заставляя на миг пережить заново свою утрату.

В дверь постучали.

– Прохор, ты дома? – Старческий голос прервал размышления старика и тот, с заметным усилием справившись с нахлынувшими воспоминаниями, откликнулся:

– Да где же мне еще быть; заходи, Антонина!

– А я смотрю: машина стоит незнакомая, решила проверить, кто это к тебе приехал? – в дверях появилась полная женщина, про себя я её тут же окрестил бабкой.

– Вот, ребятки, познакомьтесь, Антонина Васильевна, – Дед бережно, под локоток ввел женщину в комнату, – а это Семен и доча его, Катенька.

– Очень приятно, очень приятно, – нацепив улыбку из серии «доброжелательная старушка» прокудахтала бабка, с подозрением осматривая мою наголо бритую голову и Ринкину короткую юбку.

– Ребята, – повернулся к нам Прохор, – а знаете, что, – я сейчас Игорька крикну, он вам всю окрестность и покажет, погуляете полчаса, а я тем временем на стол соберу.

Игорю было около двадцати лет, рыжая шевелюра была такая же растрепанная, привести ее в порядок можно только одним способом – полным удалением. Одет он был только в легкие шорты, камуфляжной окраски, висевшие на нём мешком. Парень оказался чрезмерно разговорчивым, провел нас через деревушку, рассказал, кто и где живет.

У каждого дома был разбит огород, где-то ухоженный, где-то – запущенный, видно, хозяйева бывают редко. Сам он живет один, увлекается компьютерными технологиями и музыкой, пишет стихи, даже организовал школьную рок-группу, родители приезжают только на выходные. С возрастом я погорячился: оказалось, он только что закончил школу. На вопрос о поступлении в институт он ответил просто, – после армии, чем сразу вызвал у меня известную долю уважения и возвысился на пару ступеней в рейтинге Ринкиных ухажеров. Ринка охотно участвовала в разговоре, она явно понравилась Игорю, что, впрочем, казалось взаимным.

Мы вошли в лес по едва заметной тропинке, кроны деревьев сомкнулись над головами и стало даже немного прохладно; этим не преминули воспользоваться комары, жадно набросившись на свежую плоть. Пришлось сорвать по ветке и продолжить путь, интенсивно отмахиваясь от надоедливых кровососов. Через несколько минут впереди забрезжил просвет и Игорь жестом фокусника раздвинул кусты, пропуская нас вперед. Перед нашими взорами открылась сказка: небольшое озеро зеркальной гладью отражало небо, подступивший к самой воде лес надежно защищал озеро от ветра. Весь берег по периметру озера был в камышах и только там, где мы вышли, был маленький песчаный пляжик, его бы хватило, максимум, на небольшую компанию. Я даже отметил, что тень от солнца падает на пляж только до полудня, а закат должен быть как раз напротив. По воде то тут, то там расходились круги, рыба играла, и ее было много, не обманул дед Прохор, про себя отметил я.

– Ну как вам? – Игорь первым подал голос.

– Словами не передать! – восхищенно ответил я.

– Про это место никто не знает, – с гордостью сообщил паренек, – ну, кроме наших, конечно, а больше никто. Здесь берега топкие, это единственное место, где можно в воду войти.

– Эх, жалко купальники не взяли, – огорчено вздохнула Ринка.

Действительно, об этом как-то не подумали, а знали же, что идем на озеро. Вода всем видом манила в свои объятия. Всё-таки, было в этом месте что-то магическое, первобытное: легкий шум леса, редкие всплески воды от выпрыгивающих рыб. А воздух! Воздух пьянил, после городского смога, такое обилие кислорода кружило голову.

– А вы знаете, мы тут по-простому! – Игорь фыркнул и рассмеялся.

Он скинул с ног шлёпанцы и, улюлюкая и поднимая тучу брызг, влетел в воду. Вынырнув, отфыркиваясь и тряся головой, чтобы откинуть мокрые волосы со лба, весело закричал:

– Ну, давайте же, смелее, что же вы! – он отвернулся и широкими неумелыми гребками стал выбираться поближе к центру озера.

– Может, сходим до машины? – неуверенно предложил я и тут же понял, что будет потерян тот самый миг первого раза: мы уже вернемся, зная, что увидим и зачем пришли.

– Па, ты, что, никогда в одежде не купался? – Ринка уже пробовала воду босой ногой.

Через минуту мы уже были в воде, я отплыл подальше и перевернулся на спину. Как же хорошо, вот так просто лежать на воде и наслаждаться небом.

Кстати, а старик оказался прав: от горизонта надвигалась грозная туча. Может, и правда, переночевать у Прохора? Старик мне нравился, чувствовалась в нем мудрость прожитых лет, но не было той снисходительности, с которой многие пожилые люди общаются с более поздними поколениями. Общаться с ним было легко, вот только Дедом называть, язык не поворачивается; надо будет узнать его отчество.

Решено: на ночь точно останемся, а там, может, и на недельку задержимся, если Ринка возражать не будет, а она и не будет: понравился ей этот рыжий парнишка. А он-то каков! Прямо при отце кадрит девчонку, без тени смущения, но надо отдать ему должное, получается у него это здорово, без той напускной бравады, а как-то легко, непринужденно. Я в его возрасте был закомплексованным подростком, а он уже почти мужчина! Да почему почти? Нет никакого почти, мужчина и есть: живет один, самостоятельно, – значит, родители ему доверяют; опять же, в армию искренне хочет пойти, – значит, уже привык к самостоятельности, не боится быть отлученным от маминой юбки, – это похвально.

На лоб капнуло. Я открыл глаза и, как оказалось, вовремя. К моей лодыжке, очень осторожно, тянулась рука. Увидев, что коварный план раскрыт, Ринка развернулась в надежде удрать, но куда там! Мгновенно сгруппировавшись, я перевернулся, неглубоко нырнул и, поймав отбивающуюся ногу, потянул вниз, дав возможность набрать воздух, я утянул девочку под воду, сам вынырнул и устремился к берегу.

– Как ты меня заметил? у меня же почти получилось! – меня догнал обиженный голос.

Есть у нас такая игра: Ринка пытается меня застать врасплох, но ей еще ни разу не удалось. В этот раз, уже почти: если бы не капля, то я бы ее проворонил.

Кстати о капле, я посмотрел на небо: туча подошла уже совсем близко, над нами были серые облака, солнце еще глядело в последнее окно, но это ненадолго. Ветер заметно усиливался и даже на этом, прекрасно защищенном от ветра озере появились первые волны.

– Почти не считается, – крикнул я, – догоняй, уже дождь собирается!

Игорь, уже стоял на берегу; я выбрался из воды, поднял футболку, обтер ею лицо и ладони. Надев футболку прямо на мокрое тело, я принялся собирать с земли остальную мелочевку: перед купанием пришлось всё выгрузить из карманов.

– Ну что, пойдем, Катюшка догонит, – взглянув на Игоря, сказал я закуривая и крикнул дочери, – Ринка, догоняй, мы пойдем потихоньку!

– Вы только далеко не уходите! – крикнула она в ответ, уже подплывая к берегу.

Дождь застал нас, когда мы втроем выходили из леса. Всё затихло, как бывает перед грозой, а потом кто-то просто открыл кран. Тугие струи стегали нас по спинам, ускоряя наш бег к дому деда Прохора. Смеясь и пытаясь как-то отжать одежду, мы ввалились в сени. Бабки Антонины уже не было, Прохор вышел к нам навстречу.

– Я же говорил, что дождь будет, – улыбался он, наблюдая за нашими бесполезными попытками, – и спину сразу отпустило.

Я посмотрел в окно: ливень шел плотной стеной, поднялся ветер, из-за стены воды даже не было видно дома напротив.

– Ладно, всем пока, побегу к себе! – Игоря явно веселила ситуация. – Вот это ливень, никогда такого не видел, заходите если что! – Он рассмеялся своей незатейливой шутке, и,

втянув голову в плечи и пригибаясь, выбежал под дождь. Я последовал его примеру, нужно было достать из машины сухие вещи. Да и кое-какие припасы не помешали бы.

Через четверть часа, переодевшись в сухое и приведя себя в порядок, мы сидели за столом. Трапеза была незатейливой, но как нельзя лучше подходящей ко времени и месту. На столе появился чугунок, в котором оказалась ароматно пахнущая тушеная картошка с мясом, рядом стояла небольшая деревянная плошка с квашеной капустой, тут же соленые грибочки. Венец стола Прохор прятал, с хитрым взглядом, за спиной.

– Алле-оп! – воскликнул он и водрузил на стол литровую бутылку, запечатанную воском. – Это для нас, Семен, как обещал, такого ты больше нигде не попробуешь.

Самогон, и правда, выглядел необычно. Насколько я помню, он должен быть мутный, именуемый, вроде, первачом, или уже прозрачный, второго или третьего перегона. Здесь же я наблюдал прозрачную жидкость без примесей, но янтарного цвета, с легким зеленоватым отливом.

– А для Катюши у меня тоже кое-что припасено, – он подмигнул девочке и, с видом заговорщика, достал из буфета графин, – земляничное вино, тоже собственного производства.

– Ей еще только четырнадцать, – напомнил я.

– Па-апа, – обиженно протянула дочка, – ну попробовать-то можно?

– Вот правильно говоришь, внучка. Семен, поверь старому человеку, пара бокалов хорошего домашнего вина, сделанного с любовью, еще никому не повредила. Так что я на правах старшего и хозяина дома разрешаю! – Прохор распушил бороду и сделал страшное лицо. Ринка прыснула со смеху, и я махнул рукой.

Напиток, в самом деле, был хорош. Язык не поворачивался назвать его вульгарным словом «самогон». Чувствовались травы, мед, и что-то еще, очень знакомое, но неуловимое, никак не удавалось сосредоточиться на отдельном фрагменте, букет постоянно менялся. Ринка, осторожно попробовав из своего бокала и заметив мой взгляд, довольно закатила глаза, давая понять, что вино такого же превосходного качества. Не удержавшись, позже я попробовал из её бокала: вино оказалось очень легким, не крепче пива, вкус был удивительно богатым и насыщенным, а послевкусие держалось очень долго, не торопя себя обновлять. Прохор был очень доволен произведенным эффектом, он действительно оказался мастером в этом деле. Бывал я в дорогих ресторанах, пробовал я элитные напитки, в том числе и бешеных лет выдержки, но они все меркли по сравнению с тем, что делал этот старик в богом забытой деревне.

Беседа текла легко и непринужденно. Прохор назвал своё отчество – Никитич; всё-таки, он не был тем стариком, к которому относишься с легкой иронией: мол, что с него взять – возраст. Я воспринимал его мужчиной намного старше и опытнее себя и испытывал значительную долю уважения. Он рассказал, что на фронт попал с первых дней войны, служил в разведке, был награжден многими медалями, а когда из-за чьей-то ошибки его взвод наткнулся на засаду, он единственный остался в живых, но был раненым схвачен. Из плена удалось сбежать; тяжело раненный он смог мало того, что вернуться в часть, а еще и захватить языка. Если бы не этот язык, говорил он, упекли бы его в штрафбат, как пить дать, но всё обошлось. После войны перебрался с семьей в город, работал на заводе.

Однажды они, с супругой и детьми, поехали в цирк, автобус попал в аварию; из сорока пассажиров выжил опять только он. Сыновья погибли у него на руках, над женой несколько дней трудились врачи, но и ее спасти не удалось.

Слушая рассказ о нелегкой судьбе, я и не заметил, как мы ополовинили бутылку. Потом Прохор Никитич переключился на нас, был удивлен, что я работаю обычным дальнобойщиком, признался, что сначала относился ко мне с опаской. Мы с Ринкой от души посмеялись над моей бандитской внешностью. Посочувствовал, что мне тоже довелось побывать в горячих точках. Мне не понятно, говорил он, мы сражались за свой дом, мы знали, на что идем и что защищаем, а ради чего эти войны? Он сокрушенно качал головой и чмокал губами.

Заметив, что Катеринка начала скучать, он перевел разговор на нее, интересовался нынешней молодежью, вспоминал свою юность, но без той нравоучительной нотки, мол, вот в наше время такого не было, а искренне сравнивал, о чем-то жалел, что-то ему не нравилось. Ринка звонко смеялась над шутками. Щеки ее порозовели, второй бокал стоял недопитый и был отодвинут, давая понять, что она прекрасно себя контролирует. Этого нельзя было сказать обо мне. Дедовский напиток имел еще одно свойство, он удивительным образом скрывал свой градус: я был полностью уверен, что употребляю нечто не крепче наливки, а оказалось, как признался сам Прохор Никитич, что в этой огненной воде почти шестьдесят градусов.

– Пап, ты что-то носом клюешь, – потрясла меня через стол Ринка. – Па-ап! – пришлось ей повысить голос, и я вздрогнул.

– Какой коварный напиток у вас, Прохор Никитич! – постарался улыбнуться я, глядя на Прохора. – Пойду курну на крыльчке. – Я, пошатнувшись, вышел из-за стола.

Стихия бушевала пуще прежнего: к ливню добавилась гроза, раскаты которой приближались. Я, как в детстве, начал считать секунды – от молнии до раската, – получалось, что эпицентр в каких-то четырех километрах.

Крыльцо было открытое, но достаточно просторное и с пологой крышей, прямые струи не залетали, но водяная пыль все равно доставала. Я присел на относительно сухую лавку и закурил. Хмель постепенно отступал. Удивительный напиток, надо будет попросить продать пару литров, ребят угостить. Дверь открылась и на крыльцо вышла Рина. Присев рядом, она поёжилась и положила мою руку к себе на плечи, я прижал дочку.

– Пап, ты чего так, э-э, устал? – не сразу подобрала она нужное слово.

– Да нормально, напиток непривычный оказался, не почувствовал крепости, и вот результат. Ик! – неожиданно икнул я. Вот же напасть, этого ещё не хватало!

– О-о-о, – голосом матери протянула Ринка. – Как ты за руль-то завтра?

– Ты же хотела, ик, остаться, – не понял я, – или уже, это, передумала? – Язык отказывался слушаться, при этом сознание оставалось вполне ясным. Я украдкой закрыл глаза и ткнул себя пальцем в нос.

– М-м. Попал, – понимающе усмехнулась дочка. – А насчет остаться, не то, чтобы передумала, просто погода смотри какая, дедушка, конечно, клёвый, но не сидеть же целый день в доме, – скучно.

– Это не погода, это ливень, он как, ик, – да ёлки! – пришел, так и уйдет. Да, и кстати, – только сейчас осенило меня, – я не уверен, что мы отсюда сможем, ик, – блин, да что ж такое! – уехать.

– Это как так? – чуть отстранившись, Ринка заглянула мне в глаза.

– А ты обратила внимание на эту, как её, дорогу: мало того, что, ик, колея в полметра, так еще и глина сплошная. Эта поливка её сейчас в такую кашу превратит, что и танк увязнет!

– Но ты же говорил, что Навара классный говномес! – ввернула она понравившееся слово.

– Во-первых, не все слова, ик, – ё маё! – которые произношу я, стоит повторять, а во-вторых, я и сейчас это говорю, вот только колеса у нас не для замесов.

– Ну и не только для шоссе, как ты их называл э-э... – она на секунду задумалась вспоминая, – всedorожные, – во, вспомнила! – да и ты не чайник.

– Ну, попробовать-то всегда можно, но за трактором бежать тебе, имей в виду. – Я выбросил окурочек в предусмотрительно оставленную банку. – Пойдем, твой «клёвый дедушка», наверно, уже постелил, ик, приготовил, а завтра утром разберемся, точнее, уже сегодня.

Я, икнув, поцеловал дочку в макушку и поднялся. На столе уже был полный порядок, за исключением двух полных рюмок и тарелки с солеными грибами. Прохор Никитич поднялся при нашем появлении.

– Ну, по последней, на сон грядущий, – поднял он рюмку, – я вам уже постелил, Семен, ты ляжешь тут, – он указал на разобранную кровать, – а Катюшке я в той комнате постелил.

– А сами Вы где будете? – я чокнулся рюмкой и опрокинул содержимое в рот.

– Так я же вам не весь дом показал, – хлопнув себя по лбу, воскликнул Прохор, – Антонина же пришла и всё сбила, у меня еще две комнаты, хотя одна не совсем комната, скорее кухня, а еще одна – наверху, вот в ней я и обитаю, мне там удобнее.

Старик выпил свою порцию, закусил грибочком, собрал посуду и на удивление твердым шагом направился к выходу.

– Да, ребятки, у нас в деревне по-простому всё, чтобы, если что, на улицу не бегать по ночам, под кроватями горшки стоят. Не волнуйтесь, – всё чистое, – Дед подмигнул с лукавой улыбкой. – Ну, вроде, всё, спокойной ночи!

Он вышел. Мы смущенно переглянулись, и я заглянул под кровать: горшок был, большой металлический, с крышкой.

– Эвон оно как, – усмехнулся я и заметил, что икота отпустила.

На новом месте всегда плохо спится, особенно если за стеной грохочет стихия. Гроза была уже где-то над нами. Сверкало, громыхало не переставая. Я сел на кровати и, отодвинув занавеску, выглянул в окно. Интересного мало: крошечная тьма, разрезаемая молниями, ветер гудел и гнул лес, ливень хлестал без устали, впечатление было такое, что это навсегда. Снова забравшись под одеяло, я представил сиротливо стоявшую, под дождем, машину; почему-то вспомнился образ промокшего брошенного пса, свернувшегося калачиком, в попытках сохранить последнюю частицу тепла. Мы тогда с женой подобрали пса, долго он к нам привыкал, не рычал, видимо из благодарности, но и не признавал. Только через полгода, он проявил первую эмоцию, видимо, довелось ему натерпеться от людей. Сейчас он уже старенький; если верить ветеринару, то тогда ему было 3 года, сейчас, стало быть, двенадцать. Хорошо ему с Ленкой у тещи, – при всем прочем, надо отдать должное, животных тёща любит. Да и Ленка ездит с удовольствием; во-первых, мать видит редко, а во-вторых, она там выросла, как в той песне, все оно моё родное, в поле каждый колосок... как там дальше, – не помню... Мысли путались, звуки канонады перестали доноситься. Я спал...

Глава 4

Наглый солнечный луч, найдя лазейку между занавесками, запрыгнул мне на лицо. Почему-то солнечным лучам не дают покоя спящие люди. Как найдет лучик спящего человека, так давай сразу будить. Вот и этот, поблуждав по лицу, нашел все-таки веко и прочно обосновался на нем.

Я открыл глаза и, потянувшись, прислушался к ощущениям. Ни малейших намеков на похмелье, память ясная, голова свежая, выпавшаяся, даже сухости во рту нет. Потрясающий напиток! Подняв руку, я взглянул на часы: ого, четверть одиннадцатого! ну я и спать...

Вскочив с постели, я наскоро размялся и натянул шорты с футболкой, ноги нащупали и обули шлёпанцы. Оправив кровать, я достал сигареты и вышел на крыльцо. Щелкнув зажигалкой, я глубоко затянулся, и выпустил струйку дыма в небо. Небо было чистым, от минувшей бури остались только воспоминания. Я опустил глаза и по позвоночнику пробежал холодок. Дома напротив не было...

«Не понял!» – подумал я, замирая. Осторожно спустившись с крыльца, я осмотрелся. Деревня изменилась, точнее – вообще исчезла. Вон два куста сирени, между ними была калитка к дому Игоря, но теперь остались только кусты, да и те были какие-то пожухлые, заброшенные. Справа, поодаль, росла сосна; я еще вчера обратил внимание, как кто-то заботливо обрезал ветки, давая путь проводам. От сосны должен был отходить штaketник, – хозяйева не хотели губить дерево и, как могли, вписывали его в свой участок, используя ствол вместо углового заборного столбика. Теперь же – сосна была, а все остальное пропало, даже краска, нанесенная на срезы сучьев, исчезла без следа, да и сучья выглядели скорее обломанными, а не отпиленными.

Да что за чертовщина.

Я вновь прислушался к своему организму: может, я еще сплю, пытаюсь укрыться от назойливого солнечного лучика? В книгах в таких случаях герой себя обычно должен ущипнуть или уколоть каким-нибудь подручным предметом. Я последовал примеру книжных героев, – больно; а если бы я спал, то было бы не больно? Не знаю, не помню снов, в которых я бы себя щипал.

Я обошел вокруг дома, тщательно борясь с наступающей паникой и пытаюсь найти объяснение происходящему. Вокруг дома наблюдался круг, насколько я мог судить, довольно правильной формы, центр круга был в районе крыльца, все, что попало в круг оставалось прежним, а вот вне круга всё изменилось. Круг не смог вместить в себя весь участок, забор по обеим сторонам калитки не уместился и исчез. По счастливой случайности машина попала в круг полностью и не пострадала, – хоть что-то радовало. Я поднял с земли камушек и бросил за круг: он послушно упал и, подпрыгнув пару раз, затих, впрочем, а что я ожидал: что он скажет «пфух» и исчезнет?

– Пап, доброе утро! – весело прозвучало сзади и тут же испуганно, – упс, что это?

– Да уж, воистину, утро добрым не бывает, – пробормотал я. – Не знаю, пока не знаю, Катя.

Я постарался улыбнуться самой ободряющей улыбкой. Ринка, опасливо озираясь, подошла ко мне и взяла за руку. В чем-то я ей сейчас завидовал: у нее есть отец, который все решит и во всем разберется.

– А дедушка Прохор где? – спросила Ринка, оглядываясь по сторонам.

Мы торопливо вернулись в дом, как можно было забыть про старика? кому как не ему знать, что тут происходит? Я поймал себя на мысли, что с удовольствием взвалил бы на чьи-нибудь другие плечи все эти вопросы.

Я громко позвал Прохора Никитича, – тишина. С трудом найдя в сенях неприметную дверь, мы вошли на кухню: здесь царил порядок, как и во всем доме, стояла русская печь, стол с табуретами у окна, диван, явно самодельная тахта у стены. Рядом с тахтой узкая лестница вела наверх. Уже догадываясь, что хозяина не будет и там, мы поднялись. Я угадал. Старика нигде не было.

– Пап, мне страшно, давай уедем, – прижалась ко мне Ринка и озвучила мои мысли.

Нет, страшно мне уже не было, но покинуть это место очень хотелось, даже не столько уехать отсюда, сколько приехать куда-нибудь, где будут ответы на все вопросы. Нам понадобилось несколько минут, чтобы собрать вещи.

– Папа, стой! – резко окрикнула меня Ринка, когда я, закинув вещи в кунг, собирался пройти к водительской двери.

Я замер.

– Что такое?

– Не выходи из круга! – она испуганно смотрела мне под ноги.

Я проследил за её взглядом и машинально сделал шаг назад. Машина стояла у самой границы, и пройти, не выходя за черту, было невозможно. Спорить я не стал, в чем-то я был даже согласен. После Катиного предупреждения у меня тоже появилось нехорошее предчувствие. Обойдя автомобиль с другой стороны, я забрался на водительское кресло через пассажирскую дверь. Ринка впрыгнула в салон вслед за мной и торопливо захлопнула дверцу. Дизель с готовностью заурчал, Навара был готов вывезти нас куда угодно. Я вывернул руль влево, приготовившись к развороту, и только тут заметил, что дороги тоже нет. На месте бывшей дороги, как, впрочем, и везде, росла трава. С большой натяжкой можно было бы предположить, что когда-то здесь кто-то ездил, по высоте травы с трудом угадывалась колея, но не исключено, что это всего лишь игра воображения. Украдкой взглянув на дочь, я понял, что отсутствие дороги сюрпризом для нее не было. Ринка недоумённо смотрела на меня. Я отвел глаза и тронул машину с места. Сюрпризы не кончились. Хотя чего-то такого Ринка и опасалась, пусть и неосознанно. Как только джип полностью выехал за круг, сзади раздался негромкий хлопок. Мы обернулись. Круг исчез, вместе с домом и всем, что в этом круге было.

Нервы сдали, я ударил по тормозам и выскочил из машины, руки машинально вставили в рот сигарету и хлопали по карманам в поисках зажигалки.

Теперь, когда исчез последний дом вместе с забором и огородом, местность превратилась в обычную поляну. По периметру, как и прежде, подступал лес, но теперь еще присутствовал и подлесок. Мы обошли и тщательно осмотрели всё вдоль и поперек, но так и не обнаружили никаких следов. Даже сучья той сосны уже не казались обрезанными человеком, они с таким же успехом могли обломиться по более естественным причинам. Мало ли в лесу деревьев с обломанными сучьями?! Дороги, что вела в деревню, не было в самом прямом смысле. Нужно будет прорубаться через лес, если хотим выбраться отсюда.

Ринка держалась молодцом, проявляя живой интерес к происходящему. Скорее всего, она еще не осознала всю глубину проблемы. Мы решили сходить к озеру и с немалым трудом нашли правильное направление. Озеро было на месте. Но с уверенностью сказать, что это то же озеро, – я бы не решился. Тростник, еще вчера плотно росший по берегам, сегодня выглядел не таким густым. Да и песка нигде не было видно, трава подходила к самой кромке воды.

– Жесть какая-то, этого всего просто не может быть! – Первая нарушила тишину Ринка. – Просто бред какой-то! И связи нет! – Она пыталась поднять свой мобильник повыше.

– По крайней мере, не бред точно, ибо одинаково бредить мы не можем! – попытался пошутить я.

– Пап, тебе смешно? – Ринка вскочила на ноги. – Мы фиг знает где! Фиг знает, как сюда попали, и фиг знает, как отсюда выбраться!

– Во-первых, успокойся и не ори, а то, как ты выражаешься, фиг знает, что тут водится и фиг знает, чем оно питается! А во-вторых, криками и упреками ты не сможешь, лучше начинай соображать, мне тут еще паники бабьей не хватало! – Пришлось на неё прикрикнуть, и это подействовало.

– Мне кажется, что, по-любому, виновата гроза, и нас то ли случайно, то ли по чьей-то воле куда-то переместило, – неуверенно начала она.

– Кать, давай оставаться реалистами, – начал я. – Всё, что придумали фантасты, это здорово, увлекательно, но всего лишь фантазия. Погоди, не перебивай, – поспешил я продолжить. – Я не отрицаю, что могло произойти всё что угодно из фантастического арсенала. Согласись, это бездна вариантов.

– Хорошо, соглашусь. Но если рационально мыслить, то что могло произойти? Опоили и забросили в реалити шоу? – Девочка саркастически ухмыльнулась.

– А что? Не самая плохая версия. Более того, она самая убедительная, и ты у меня умница!

– Вот сейчас непонятно было! – изумленно вздернула брови Катя.

– Смотри! Как работает милиция, самое главное – это мотив. Если нас куда-то переместили, – значит, это не просто так, значит, это для чего-то нужно.

– О господи! – воскликнула Ринка, – да для чего угодно: убить, съесть, в жертву принести, на органы покровсать и так далее до бесконечности.

– Ты не ори, а подумай, – всё, что ты перечислила, можно осуществить проще. Совершенно не нужны подобные декорации. Мы бы с тобой очнулись в кафельном подвале с мешками на голове, а не сидели бы в лесу на берегу озера. А ты посмотри, какой спектакль разыграли: фокус с домом похлеще, чем у Копперфильда!

– А ведь, и правда, похоже на реалити шоу... – задумчиво протянула Рина и рассмеялась. – Вот это отпуск получится, приколы, мы звёзды реалити шоу! Значит, за нами постоянно наблюдают? Что-то я не вижу камер. – Ринка пристально огляделась.

– Это не удивительно, при современных-то технологиях. Теперь нужно понять, что от нас ждут, видимо суть эксперимента в изучении поведения человека в экстремальной ситуации.

– Пап, не сходится. Хорошо, мы в реалити, но где мы? Нас перевезли? Или мы остались на месте, и всё изменили вокруг нас?

– Хороший вопрос, – задумчиво протянул я. – Надо вернуться к машине и как следует осмотреться.

Машина стояла на прежнем месте. Мы тщательно осмотрели всё вокруг, но никаких следов не было. Совершенно обычная лесная поляна.

– Пап, я готова поверить во всё! И вариант, что нас заманили сразу на подготовленную площадку, а пока мы спали, убрали лишние дома, засыпали дорогу, вкопали обратно деревья. Чисто теоретически это возможно. Я готова поверить, что нас на вертолете перенесли и вместе с машиной поставили на эту поляну. Но дом был настоящий! Мы в нём спали! Мы поднимались на второй этаж! Коппер долбаный фильд делал иллюзию исчезновения, а этот дом исчез на самом деле! Папа, это не-воз-мож-но! – На девушку вновь нахлынула истерика.

– Погоди, теоретически всё возможно! Сначала была иллюзия, а пока нас не было, дом спрятали под землёй.

– Да ни фиги! Ты прикинь, сколько бабла нужно вбить в этот проект, а он развалится только потому, что мы пошли не к озеру, а обратно к дому, и нашли штормку, прикрывающую дом! Наше же поведение нельзя предугадать на сто процентов! – Ринка фыркнула и отвернулась.

Она была права. Я из последних сил пытался удержаться за рассыпающуюся идею реалити шоу. Уверенности уже не было ни на грош. Более того, главный вопрос всех времен – что

делать – не давал покоя. Ноги пытались куда-то бежать, руки что-то делать, голова считала, что всё это бессмысленно, надо оставаться на месте. Еще мне не давала покоя мысль, куда, в таком случае, делся Дед. Я вспоминал, что делал в первую очередь, – это были спонтанные действия, которые свойственны любому человеку, попавшему в незнакомую ситуацию. Так, осмотрелся, обошел вокруг дома, много курил, хотя это неважно. Затем обнаружил круг и кинул камешек за его границу. Вот оно! Не камешек, конечно, а Катя, которая в этот момент вышла из дома и своим появлением остановила меня от следующего шага. К Деду никто не вышел, и он вслед за камешком вышел за круг и для него дом исчез. Куда он мог пойти? Нас остановило отсутствие дороги, ему же это вряд ли помешало, и он наверняка двинул в сторону Заречья. Всё сходится. Надо прорубаться из леса, все равно смысла оставаться на этой поляне нет.

Жары сегодня не было; небо, еще с утра чистое, теперь затягивалось облаками из тех, которые способны неделями закрывать солнце и не пролить ни капли. Подойдя к лесу, в том месте, где должна была быть дорога, я стал прикидывать, как бы проехать. Деревья росли не слишком часто, придется, конечно, попетлять, что-то спилить, но в целом пробраться можно. Я углубился в лес метров на сто, но так и не обнаружил ничего критичного. Вернувшись к пикапу, я застал Ринку за сборкой лука, сама она уже переделалась в своё походное облачение. Ноги были обуты в тканевые берцы, изготовленные по армейскому образцу, но значительно выше, скрывавшие почти две трети голени. Кожаная юбка, состоявшая из пояса и пришитых к нему широких полосок, едва доходила до середины бедра. Эту юбку Ринка увидела на героине одного популярного фэнтезийного сериала и взяла в оборот мать, пока та не сшила точно такую же. Сверху был надет обычный топ, а поверх него – жилетка с множеством карманов, явно предназначенная для функций разгрузки. Колени и локти прикрывали специальные щитки, используемые любителями роликовых коньков, но обтянутые той же тканью, чтобы своим пластиком ни выделялись из общей стилистики. Всё это имело коричнево-травяной цвет, прекрасно маскирующий в листве. Волосы Ринка собрала в конский хвост и закрепила простой резинкой. На пояс, с левой стороны, уже был подвешен нож в кожаных ножнах, а справа висели ремни, предназначенные для крепления колчана со стрелами.

– Отлично выглядишь, а главное практично, – не смог я удержаться от легкой иронии.

– Спасибо, – машинально ответила она, сосредоточенная на сборке оружия.

– Лук-то зачем достала? – настороженно оглядываясь, спросил я.

– Можно подумать, что ты сам ничего не чувствуешь, – излишне резко ответила девочка, – помоги, поддержи вот здесь.

Помогая Ринке собирать лук, я настороженно осматривался: а ведь она права, – с момента, когда мы пришли к озеру, какое-то чувство тревоги действительно появилось и не отпускало до сих пор. Это бывает с каждым на подсознательном уровне. Не обращая внимания на свои движения, мы оборачиваемся, перехватываем чужие взгляды, но, не обнаружив потенциальной опасности, отворачиваемся, тут же забыв о происшедшем, но вот когда в спину смотрит снайпер, и, обернувшись, взгляд его не находит, тогда и появляется это чувство тревоги. Хотя, надо учесть, что и обстановка не особо располагает к спокойствию.

Собрав с моей помощью своё замысловатое оружие, Ринка несколько раз растянула тетиву и, удовлетворенная проделанной работой, бросила лук на заднее сиденье. Я достал из кунга сумку со своей одеждой; есть почва для тревоги или нет, а в шлепанцах и шортах прорубаться сквозь лес не очень комфортно. Через пару минут я уже был одет во все армейское – разгрузка, футболка, штаны, аккуратно заправленные в берцы, – все имело лесной камуфляж. Ножны с охотничьим ножом заняли привычное место на поясе, но не в стандартном месте, а на поясице в горизонтальном положении. Посмотрев на взволнованную дочь, я все же достал кейс и прицепил к ремню кобуру с пистолетом, а карабин положил рядом с луком на заднее сиденье.

Я еще раз посмотрел в лес, убеждаясь про себя в правильности выбранного направления, и сел за руль. Ринка уже давно поджидала меня, по всей видимости, ее тревога нарастала, она молчала, раз за разом прочесывая глазами лес.

Черный монстр, с легкостью подминая под себя кустарник и мелкие деревца, с неумолимостью бульдозера врзался в лес. Высокая трава могла таить в себе множество сюрпризов, приходилось часто вылезать и разведывать путь. Несколько раз все-таки пришлось взяться за топор, расчищая путь от особо разросшегося подлеска. Продвигались мы довольно быстро, учитывая, конечно, ситуацию. Лесополоса была не более двух километров. Через полтора часа, когда мы преодолели примерно половину пути, перед нами возник первый сюрприз. Осина, в обхват толщиной, была выкорчевана с корнем и лежала на земле, всем видом давая понять, что ловить нам тут нечего.

– Ну вот, Ринка, а ты говорила, «зачем тебе бензопила, для дров и топора хватит», – нарочито бодро воскликнул я, выскакивая из машины.

– Кто же знал, что твой «на всякий случай» будет настолько всяким, – парировала она, выбираясь вслед за мной и прихватив топор.

Очистив часть ствола от сучьев, мы нашинковали его на чурбачки и раскидали по сторонам, сопутствующий сухостой расчистили топорами. Ринка, по одной ей ведомому принципу, отбирала некоторые бревна и ветки, бросала в кузов, объяснив тем, что еще не известно будут ли дрова там, где мы остановимся.

Второй сюрприз не заставил себя долго ждать, но на этот раз дерево лежало не на земле. Верхушка поваленного дерева прочно застряла в кроне соседней ели. Пришлось сначала отпиливать корни, когда освобожденное дерево повисло на ёлке, я прицепил трос от лебедки и сдернул дерево. Упало оно аккуратно, больше ничего не пришлось делать, – места для проезда хватало.

Мы больше пяти часов сражались с природой. Лес ни в какую не хотел сдаваться, подкидывая нам все новые и новые препятствия. Отчаявшись остановить нас поваленными бревнами, лес придумал новую каверзу – небольшой овражек. Была бы у нас короткая Нива, этот овражек не стоил бы и упоминания, а вот длиннобазный пикап рисковал повиснуть на брюхе. Пришлось возвращаться обратно, собирать чурбаки и строить помост. Ринка, пятясь перед капотом, бдительно следила за колесами, показывая жестами, куда и насколько повернуть руль, я был готов в любой момент остановить машину, если вдруг какой-то чурбан решит подвернуться, но всё обошлось.

Наконец лес начал редеть, стал опять появляться кустарник, и, в конце концов, мы выбрались из древесного плена.

Дорога, с которой мы вчера сворачивали, подвозя Деда, была на месте, но претерпев ряд изменений. Во-первых, на асфальт не было даже намека, да и сама дорога стала в два раза уже. Во-вторых, я отчетливо помню, что от моста до съезда в деревню было как минимум два поворота, теперь их не было; а в-третьих, мост был из полусгнивших досок, местами зияли дыры, и что он способен выдержать двухтонный пикап, – я искренне сомневался. Что же касается самого Заречья, то вместо него стояло только несколько полуразрушенных строений. К одному из них мы и направились.

Это был сельский, одноэтажный дом на несколько семей. Я помню, такие дома строили еще при советской власти – низенькие и длинные, наподобие бараков. Каждая семья имела по кухне, две комнаты и отдельному выходу во двор; там же, во дворе, располагались удобства. Вместо дверей и окон зияли пустые проемы, по всей видимости, их кто-то вынул, и судя по отсутствию следов на кирпиче, довольно давно. Потолок и крыша были основательно разрушены. Удивляло, что полностью отсутствуют следы человека. Нет мебели, осколков посуды и прочих атрибутов, создающих атмосферу угнетенности в подобных местах. Казалось, у дома не было прошлого: никогда по этим комнатам не бегали дети, на кухне никогда не накрывали

на стол, да и стола тут никогда не было. Будто его сразу построили таким, старым и разрушенным.

– Странно... Совсем нет следов людей, – поделился я своими мыслями с дочерью.

– Пап, а ты заметил, что нет не только следов людей, – тихо спросила Рина, – в лесу не было птиц, в озере не плескалась рыба, даже насекомых я не видела.

– Так вот откуда наша тревога! Тишина! Ты права, Катя, в лесу такая тишина может быть только в двух случаях: когда животные затаились, почуяв кого-то, или когда животных нет вообще.

– Пойдем лучше к реке, я не хочу здесь оставаться. – Она взяла меня за руку и потянула к выходу.

На берегу всё было по-прежнему: еще вчера мы радостно плескались в этом омуте, вот здесь мы сидели, когда переплывали реку; на противоположном берегу все так же стояло раскидистое дерево, под которым вчера отдыхали те гопники. Не сговариваясь, мы стали готовить лагерь.

Через некоторое время, лагерь ожил. Стояла, готовая приютить путешественников, палатка. Через открытый клапан входа виднелись уютно раскрытые спальные мешки, небрежно брошенные на надувном матрасе. Костёр весело хрустел предусмотрительно припасенными дровами. Над костром, на специальной треноге, висел котелок с только что почищенной картошкой. Вода в реке была ледяная, но после многочасового боя с лесными завалами нас это не остановило. Смыв грязь и пот, мы выбрались к костру; вода уже закипала. Растершись полотенцами, мы оделись. Ринка с посиневшими губами прыгала у костра, стуча зубами. Посмотрев на нее, я достал флягу с коньяком и протянул ей. Дочь с недоверием уставилась на меня.

– Отхлебни большой глоток, – велел я, – не хватало еще, что б ты заболела!

– Пап, ты уверен? – протягивая руку, уточнила она.

– Это не для пьянства, к тому же коньяк очень хороший, и если уж начинать употреблять крепкий алкоголь, то он должен быть высокого качества.

Зажмурившись, она сделала пару глотков. Я ожидал, что она сейчас театрально сморщится и что-то прокомментирует, но Ринка, проглотив алкоголь, молча отдала мне фляжку и вытерла губы. Я тоже отхлебнул и, убрав драгоценный запас, сел к костру. Тепло быстро разливалось по телу, напряженность и тревога спадали, заменяясь легкой усталостью. Ринка, по всей видимости не ожидавшая такого эффекта, удивленно прислушивалась к своим ощущениям.

– Спасибо, папочка, теперь, по твоей милости, я люблю коньяк, – не то шутливо, не то серьезно сказала она, садясь напротив. – Еще бы сигару! – нет, все-таки она издевалась!

– Угу, шаз-з, надо было тебя ремнем согреть, а то от коньяка ты заговариваться начинаешь, – подкидывая несколько веток в огонь, ответил я.

– Что делать-то будем? – посерьезнев, спросила Ринка.

– Перебираться через мост – смысла нет, а вот если проехать дальше, то там должен быть маленький городок, по крайней мере, он там был в нашем мире.

– Боюсь, там мы найдем, то же самое, – вздохнула она и, приподнявшись, воткнула нож в картофелину, проверяя готовность. – Скоро сварится.

– Не скажи, кое-какая надежда есть. Сама посуди: маленькая деревня исчезла бесследно, а вот здесь, в Заречье, кое-что осталось, – значит, есть вероятность, что город сохранился еще больше; возможно, там мы найдем людей.

– Папа, да очнись ты! – вскричала она, но опомнившись, понизила голос, – не исчезла деревня, здесь ничего не сохранилось и не исчезло, здесь – все другое. Посмотри: этого разрушенного барака в Заречье не было, на его месте стоял обычный деревянный дом; там, за мостом, была администрация в кирпичном двухэтажном здании, здесь его нет. Дед нам пока-

зывает заправку, помнишь? Её тоже нет! Вчера на озере был песчаный пляж, сегодня там сплошная трава и ни одной песчинки...

– Но лес, река, дорога? – я стал оглядываться. – Вон под тем деревом мы вчера...

– Природа просто похожа; как называлось это дерево? – перебила она меня.

– Я не помню, да и не силён я в ботанике.

– Хорошо, вспомни, в какую сторону было течение, – Ринка подняла сухую ветку и бросила в воду.

Я вспомнил мальчика с корабликами, и как эти кораблики уносились за поворот. Палка, булькнув, ушла на мгновение под воду и, всплыв, неторопливо поплыла к мосту.

– Видишь, это другая река, пап, здесь все другое!

У меня как пелена спала с глаз, и сразу вокруг всё изменилось. Река стала уже, мост короче, – теперь я видел, что похожего очень мало, а точнее – вообще нет.

– Да права ты, права, не кричи, что там с картошкой?

Ринка снова ткнула ножом клубень.

– Готово, сливай!

Я, прикрыв котелок крышкой, слил кипяток прямо в реку. Открыв банку с тушенкой и вывалив содержимое в котелок, я принялся перемешивать древнейшее блюдо всех туристов. Место котелка над костром занял чайник. Ринка приготовила пластиковые тарелки, и я разложил душистую картошку.

Если вы со вчерашнего вечера ничего не ели, при этом весь день прозанимались нелегким физическим трудом, да еще и в состоянии постоянного стресса, то после всего этого приготовленная на костре картошка с тушенкой покажется вам пищей богов.

Ели молча и торопливо изредка переглядываясь. Мысли кружили свой хоровод, цепляясь то за одно, то за другое. Состояние невозможно передать. Мозг человека это своего рода компьютер, любую сложную задачу он пытается разбить на множество мелких и решать их поэтапно. Тогда получается некая осмысленность в действиях. Представьте, что вам необходимо сделать нечто такое, чем вы никогда не занимались, и не имеете не малейшего понятия, с чего начать. Значит, необходима базовая информация; находим её, узнаем, что нам понадобится, в каком направлении двигаться, и по крохам начинаем продвигаться вперед. В нашей же ситуации как раз и не было той самой базовой информации.

Единственное место, за которое цеплялся мозг, это дом, а точнее Дед, который был в этом доме, но куда-то пропал. Мы очень долго провозились в лесу; если старик пошел в Заречье, то он нас обогнал часа на четыре, а если учесть, что пожилые люди не имеют привычки спать до полудня, то разница во времени может увеличиться раза в два. Но куда он мог пойти потом? Да куда угодно. Мы невольно встали на обратный путь, а он здесь знает всю местность и мог пойти в любую сторону. Стоп! Маленький звоночек тренькнул в голове. Точно! Мы на подсознательном уровне возвращаемся домой. Может, и Дед пришел в Заречье, так же посидел, подумал и тоже отправился к дому? Хотя нет. Не сходится: мы отнюдь не бесшумно продирались сквозь лес и наверняка привлекли бы его внимание. Здесь что-то другое.

– Пап, а ты не думаешь, что это не случайность? – задумчиво произнесла Ринка, прервав мои мысли.

– Что ты имеешь в виду? – я достал сигареты и закурил.

– Тебе неспроста же казалось, что мы словно попали в будущее. Ведь действительно, местность очень похожа. Полянка примерно в той же стороне от дороги, что и деревня, да и расстояние по лесу примерно такое же. На том же месте есть и дорога, и аналог Заречья, и другая, но тоже река, и еще много совпадений.

– Так что ты хочешь сказать? Что мы в будущем?

– Уф, – закатила она глаза, – будь мы в будущем все было бы одинаковым, а тут все другое, но на тех же местах, словно в квартирах в доме, квартиры у всех одинаковые, а мебель разная, но на тех же местах.

– Ну хорошо, аналогия понятна, но к чему ты клонишь? – поторопил я её затянувшиеся рассуждения. – Кто-то специально подбирал и обустроивал похожее место? Ты снова хочешь вернуться к версии с реалити шоу?

– Пап, чисто теоретически, если отбросить стоимость такого проекта, то он реален?

– Теоретически реален, даже с учетом исчезнувшего дома. Вполне возможно заготовить несколько сценариев, ну, например, если бы мы пошли не туда, то нас вполне могли бы усыпить газом или отпугнуть чем-то. Возможно всё, но опять же, самый главный вопрос, – зачем?

– Это действительно главный вопрос, а если предположить...

– Рин, предполагать без оснований можно всё что угодно, – прервал я дочку, – мне больше интересно, куда подевался Прохор. Так или иначе нужно его найти, а вместе с ним и ответы на многие вопросы.

– А с виду такой клёвый старикан, – сочувственно произнесла Ринка. – Я не верю, что он в этом замешан.

– Я тоже не верю, но мне кажется, что он здесь не впервые и знает как вернуться домой. – Я посвятил Рину в свои размышления. – Вот только как его искать? Куда двигаться дальше?

Мы замолчали.

Ринка помыла посуду и убрала всё в кунг. Мы сидели на раскладных походных табуретках, пили чай и размышляли, перекидываясь незначительными фразами. Если это и впрямь реалити шоу, то зритель сейчас должен покатываться со смеху, слушая наши нелепые предположения.

День клонился к закату, небо по-прежнему было полностью затянуто облаками. В голову начали лезть неприятные бытовые мысли, что продуктов хватит дня на три, солярки чуть больше полбака, есть еще канистра, но сути это не меняет, – пополнить припасы совершенно негде. Робинзон, конечно, прожил 25 лет на острове, но там была живность, и вдобавок Дефо услужливо подбросил инструменты, Пятницу и спасительный корабль. В нашем случае, кораблей не предвидится, да и питаться незнакомыми кореньями – перспектива так себе.

С праздных размышлений я переключился на логику. Когда мы осматривали строения, то не обнаружили никаких следов людей, но люди были, – кто-то же построил этот дом, дорогу и прочее. Если вдуматься, то понимаешь, что из дома просто съехали, забрав с собой весь скарб, включая окна и двери, к тому же мы не удосужились осмотреть остальные дома и поторопились с выводами.

– Пап, нам нужно осмотреть остальные дома! – неожиданно твердо заявила дочка. Видимо, её мысли шли параллельным курсом. – Я сильно сомневаюсь, что мы здесь одни, и ночевать в палатке в незнакомом месте боюсь. Предпочитаю иметь реальные стены.

Я удивленно уставился на неё.

– Какой смысл в стенах, если нет дверей с замками?

– Огромный: сквозь стену не пройти и ножиком не разрезать, а дверей не было только в одном доме. Да и потом, не собираешься же ты теперь жить в палатке? – Её голос предательски дрогнул и затих.

– Не знаю как ты, но жить я тут не намерен, – я попытался придать голосу больше бодрости, – а в остальном ты права. Пока не определимся, куда двигаться дальше, надо обустроить быт.

– Пойдем тогда прямо сейчас, чего просто так сидеть! – она поднялась и тут же замерла.

В очередной раз холодок пронесся по позвоночнику: из-за моста донеслись чьи-то голоса и они приближались.

Глава 5

Голоса приближались слишком быстро, но звуков мотора не было.

– Пап, что это? – Ринка не выглядела испуганной, скорее собранной.

– Не знаю, люди какие-то, скоро узнаем. Значит так, ты брысь вон в те кусты и чтобы тебя было не видно и не слышно; выйдешь, только если позову!

– Папа...

– Не папкай, – резко перебил я, – перестраховка еще никогда не вредила.

Я подтолкнул дочку в спину. Она больше не возражала, быстрым шагом направилась к кустарнику, но на полпути вернулась, забрала из машины лук и уже бегом скрылась за листвою.

Мои приготовления были нехитрыми: машинально хлопнув по кобуре, я проверил на месте ли пистолет, переставил табурет так, чтобы видеть мост и, налив в кружку чай, уселся, придав своей позе максимум беспечности.

Голоса явно распевали какую-то песню, я даже различал некоторые слова нашего родного, великого и могучего, русского мата. В конце концов, в поле зрения появился багги. Вопреки ожиданиям, появился он не на мосту, а на противоположном берегу, съехав с дороги, багги приблизился к реке. К моему удивлению, двигалась машина совершенно бесшумно. Я насчитал семь человек: четверо находились на сиденьях – двое спереди и двое сзади, еще двое стояли по бокам на подножках и держались за специальные поручни, и последний сидел на возвышении в маленьком кузове. Этот последний и заметил меня. Он что-то крикнул своим товарищам, машина, лихо развернувшись и выбросив фонтан земли из под колес, помчалась к мосту.

Через несколько минут, чудо гаражной инженерии подлетело ко мне. Компания ловко выгрузилась, и я, с невероятным удивлением, узнал в них наших старых знакомых, именно тех, с которыми мы вчера чуть не подружились на берегу реки.

– Опаньки, вот это встреча! – радостно развел руки в стороны Щербатый. – Квадрат, ты только глянь, кто тут у нас!

Квадратом звался как раз тот угрюмый, которого я оценил самым опасным противником. Прозванный мною Щербатым, таковым и оказался, – до чего же предсказуемые клички у шпаны! Они подошли к костру и встали полукругом передо мной. Щербатый, успевший познакомиться со мной, так сказать, поближе, теперь держался поодаль, не торопясь попасть в зону действия моих рук. Я продолжал сидеть; с виду расслабленная поза на самом деле была сжатой боевой пружиной. Я отхлебнул глоток из кружки, обводя взглядом непрошенных гостей.

– Вот это фарт! – пробасил Квадрат. – А соска-то твоя где?

– Да хрен с ней, ты глянь, какой агрегат теперь у нас будет! – радостно похлопал по крылу автомобиля длинный и очень тощий парень.

– Мужик, а как ты сюда попал-то? – спросил еще один паренек; он выглядел самым молодым.

– Не поверишь, на машине приехал, – ответил я, снова делая глоток.

– Вот что за человек, – развел руками Щербатый, – опять борзееет!

– Так, парни, давайте не будем обострять, – я поставил кружку на землю и поднялся, – я вас сюда не звал, вы сами пришли к моему костру, так ведите себя подобающим образом.

Компания дружно заржала.

– Не, мужик, ты не догоняешь: это ты к нам пришел. Без спроса на нашей земле костер развел, – так не бывает, платить надо, а если учитывать нашу первую встречу, то заплатишь ты по-полной!

Взгляд одного из них упал на веревку, протянутую от палатки к машине. Я проследил его взгляд и понял свою оплошность.

– А девка-то с ним, вон трусы сушат, – указал он пальцем на веревку с плавками.

– Крас-савица, в-выходи, г- где ты пряч-чешься?! – до сего момента молчавший, видимо по причине заикания парень, подал голос и явно вознамерился проверить кусты.

К счастью, он направился в другую сторону, и я, поначалу напрягшись, потерял на время к нему интерес, пытаясь разрешить ситуацию мирным путем. Все мои попытки были тщетны, бандиты, – а это были именно бандиты, а не обычные хулиганы, – всё уже решили для себя. Они чувствовали свою полную безнаказанность и не торопились переходить к активным действиям только потому, что это для них была своего рода игра. Краем глаза я продолжал следить за зайкой, теперь он приближался к тем кустам, где пряталась Ринка, – нужно было срочно что-то предпринять.

– Давайте проясним ситуацию, – обвел я взглядом компанию. – Я здесь впервые и не знал, что это ваша земля, объясните мне границы, и я тотчас покину вашу территорию; также буду весьма признателен, если вы проведете краткий ликбез, дабы я впредь не попадал в подобные неприятности.

– Лик-что? – не понял Щербатый, – ты можешь по-человечески говорить? А то ты как свой рот откроешь, так мне тебя ударить сразу хочется, – он тупо заржал, озираясь на товарищей в ожидании поддержки.

– Так что же не ударишь? Помнится мне, у тебя была такая возможность, – не выдержал я и осадил наглеца.

– Заткнись, Щербатый, – цыкнул на него Квадрат и уставился на меня. – Мужик, мне уже наскучил этот пустой базар! Объяснить, конечно, можно, но я не страдаю излишней добротой; девка твоя нам нужна, я не смогу своих балбесов отговорить, да и не хочу. Тачка твоя нам тоже пригодится, так что выход только один, – и ты понимаешь какой, – он сплюнул и ухмыльнулся.

В следующее мгновение произошло несколько вещей одновременно. Рука Квадрата метнулась к моему горлу, норовя перебить кадык, – я был готов: чуть отшатнувшись в сторону, я ушел от удара; перехватив его руку, я продолжил её движение и, поставив подножку, заставил бандита пропахать носом землю. В этот же момент зайка, приблизившись на опасное расстояние к затаившейся девочке, вдруг схватился за горло и, захрипев, упал навзничь, – из горла торчало древко стрелы.

Минус один, машинально подумал я.

Зайка был за спинами бандитов, а их внимание было приковано ко мне. На какое-то мгновение они замешкались, рассредоточиваясь и готовясь к нападению. Квадрат, ловко вскочив на ноги, пошел в атаку.

Нет, дружок, боксировать я с тобой не намерен, – уклонившись от двух прямых и нырнув под его левый хук, я оказался у него за спиной.

Удар ногой под колено, захват шеи, – и вот характерный хруст сообщил мне печальную новость.

Минус два!

В этот же момент задергал руками и осел долговязый: из основания черепа торчало древко второй стрелы.

Минус три!

Удивляться тому, что девочка в четырнадцать лет с легкостью убивает людей, мне было некогда, я превратился в боевую машину: мозг чист, работают только рефлексy.

Остальные четверо напали разом, у всех сверкнули ножи. Уворот. Нырок. Отскок. Главное – не пустить за спину.

Мой нож мирно висел на ремне, сейчас самое время его достать. Держать дистанцию. Маневрировать. Их четверо, – заставить их мешать друг другу.

Очередной бандит бросился вперед, размахивая ножом. Уход от удара. Перехват. Мой клинок врезается ему в подмышку, перебивает сухожилия, – что ж ты так орешь?! Вот, так лучше, – с ножом в горле орать неудобно.

Минус четыре.

Наш танец смерти переместился. Теперь Ринка не может стрелять, мешает автомобиль. Бандиты не торопятся атаковать: оставшись втроем, они стали более осмотрительны.

Из-за машины показалась Ринка; что же ты делаешь, дурочка?! но я молчу, бандиты её не видят, она смотрит на меня, я указываю ей глазами на самого молодого, и только тут замечаю, что она без лука.

Так, максимум внимания на себя. Сделать пару выпадов. Отскок.

А молодой не прост, попытался поймать меня на прием; я хотел указать дочке другую цель, но было уже поздно, она, взвившись в воздух, выбросила вперед ногу в попытке поразить висок, но бандит каким-то образом успел заметить движение и ловко увернулся. Ринка не найдя опоры на миг потеряла равновесие, бандит расплылся в кровожадной улыбке, и мощный маваши гери обрушился на голову девочки.

Из-за потери равновесия она не смогла уклониться, все, что ей осталось, – это только подставить руки, что она и сделала, но сила удара опрокинула её на землю. Я бросился на помощь, но Щербатый с товарищем быстро оттеснили меня назад. Все-таки этой короткой атаки хватило, чтобы молодой на секунду отвлекся на меня. Ринке хватило этой секунды: кувырок назад – и она уже в стойке, – удар не причинил ей видимого ущерба. Но долго она не простоит, нужно торопиться.

Щербатый и второй бандит оттесняли меня к воде, постоянно заставляя уклоняться от выпадов, но не давая возможности поймать на прием. К тому же, отсутствие тренировок давало о себе знать, – я устал.

Ситуация у Ринки была на удивления стабильной: она ушла в оборону, танцевала вокруг противника, уклоняясь от всех ударов. Я понял её расчет: парень уже начинает злиться, что какая-то девчонка ему достойно противостоит. Скоро он начнет совершать ошибки и одна из них станет роковой.

Так и произошло. Привыкнув, что девушка уклоняется, он пытался поймать её на потере равновесия и совершенно перестал опасаться захватов, за это и поплатился: очередной хук застрял в захвате, мгновенно хрустнул сустав, а ладонь Ринки вонзилась в кадык, затем в переносицу. Сломанная рука повисла плетью, парень отползал на четвереньках, давясь кашлем и роняя кровавые сопля.

Ринка бросилась ко мне на выручку. Она выглядела сушей дьяволицей: волосы растрепаны, глаза горят, кулаки сжаты и готовы к бою.

Бандиты оказались между двух огней; безмянный бандит отпрыгнул в сторону, разрывая дистанцию со мной, Щербатый не был столь предусмотрителен и попросту повернул голову, – я тут же этим воспользовался: рука с клинком молнией покрыла расстояние до шеи, перебив сонную артерию. Ринка с разбега атаковала своего противника, молниеносно ударила пальцами по глазам, тот, ослепленный, отшатнулся, размахивая ножом; девушка перехватила его руку, легким движением вывела противника из равновесия и вывернула его руку. Бандит упал на собственный нож и затих.

Бой был окончен.

Мы стояли, тяжело дыша.

– Ты как? – спросил я, осматривая девочку. Хотя – какую девочку? уже – девушку. После всего произошедшего, назвать Катю девочкой или ребенком язык не поворачивался.

– Плохо, – ответила она сквозь зубы и, прижав ладонь ко рту, устремилась к кустам.

Что ни говори, а убить человека нелегко. Это – на всю жизнь. Это – не забыть. Мне до сих пор снился мой первый ваххабит; сколько было потом, – не помню, а вот того, первого, запомнил на всю жизнь!

Сейчас лучше оставить её одну, – пусть немного отойдет, потом поговорим, успокою, а сейчас лучше пусть сама приведет свои мысли в порядок.

Я осмотрел поле боя: кругом валялись тела, даже мелкий отдал богу душу; по выпученым глазам я понял, что перебитая гортань, хоть и не сразу, но перекрыла воздух, и парень задохнулся. Я оттащил трупы в сторону и спрятал в кустарнике. Выдернув стрелы, я осмотрел их, – вроде не повредились; обтерев кровь прямо об одежду трупа, я заткнул стрелы за пояс. Не забыл проверить и карманы: ничего ценного не обнаружилось, обычный карманный хлам. Я не стал мародерничать и всё оставил как есть.

– Рина, ну ты как там, может помощь нужна? – я позвал дочку, но ответа не последовало.

Девушка сидела на земле, обхватив колени. Её плечи тряслись от беззвучного плача, я тихо сел рядом и обнял её за плечи, она резко повернула ко мне своё мокрое лицо, обхватила за шею и, уткнувшись в плечо, заревела, – даже не заревела, а завывала глухо и на одной ноте. Мне стало не по себе и даже немного жутко. Я гладил её по голове, пытался успокоить, но на все мои слова она только крепче прижималась ко мне и не переставала выть.

– Катюша, ну успокаивайся, ты всё правильно сделала. Это же не люди, это бандиты, отребье, их не должно быть жалко. Думаешь, они бы нас пожалели? – мы сидели уже минут двадцать, вой постепенно перешел во всхлипывание, но прижималась девушка по-прежнему крепко и головы не поднимала.

– Поднимайся, нужно уезжать отсюда, здесь оставаться опасно, – тут я вспомнил о багги; как-то в суматохе совершенно забылось, что у нас прибавка в транспорте, – тебе еще осваивать вождение багги!

– Да-да, пойдём, – тихо сказала она, всё еще всхлипывая.

Мы вышли к реке. Катя, взяв из машины всё необходимое, отправилась к воде умыться, а я подошел к багги.

Я не очень разбираюсь в подобных самодельных машинах. Конструкция была простейшая: каркас, сваренный из труб. Металлические сидения, типа ковш; привод был полный и, судя по всему, постоянный, но что самое интересное – так это двигатель, а точнее – четыре электродвигателя на каждое колесо. В задней части располагался внушительный аккумулятор, по крайней мере, я решил, что это аккумулятор. Поверх него было маленькое отделение, с сиденьем. Насколько я смог судить, это было место стрелка. Кресло располагалось на поворотной платформе, и перед ним был установлен некий штатив, по всей видимости, для крепления пулемета.

Я сел за руль. Из приборов было три циферблата и семь лампочек. Справа от руля было пять тумблеров. Один из них красного цвета и под защитным колпачком. Скорее всего, это был главный тумблер подачи энергии. За что отвечали четыре оставшихся, – придется выяснять. Я привычно поставил ноги на педали и изумленно посмотрел вниз. Педальей было пять. Педаль по центру была самая большая, две по бокам от нее оказались спаренными и работали синхронно, – видимо, чтобы дать возможность выполнять одну и ту же функцию любой ногой; самые крайние педали нажимались по отдельности и были вынесены слегка вперед.

Ну, что ж, надо попробовать завести это чудо. Я откинул колпачок и повернул переключатель. Лампочки радостно перемигнулись зеленым и загорелись тусклым желтым цветом. Стрелки на циферблатах дрогнули: насколько я смог понять, один указывал заряд аккумулятора.

тора, но не в привычных амперах, а в часах и минутах, заряда хватало еще на тридцать четыре часа и двенадцать минут. Два других пока показывали ноль. Я осторожно коснулся педалей. Через несколько минут я разобрался с управлением и выключил багги.

Костер прогорел, Ринка разбирала так и не приготившуюся палатку. Общими усилиями и особо не мудрствуя, покидали всё в кунг. Девушка подобрала стрелы, которые я выложил у костра и, явно пересиливая себя, сунула их в колчан. Лук уже лежал на заднем диване пикапа.

– Вроде, всё готово, показывай, как с этой игрушкой управляться. – Ринка, всё еще пряча глаза, направилась к багги.

Определенные навыки вождения у нее, конечно, были, – по всяким проселкам водила вполне уверенно, а большего в данной ситуации и не требовалось.

– Значится так, смотри, – начал я, когда она уселась за руль, – тут все просто, главное – в педалях не запутайся

– Что-то маловато педалек, я бы еще штуки три добавила, – улыбнулась она.

Я обрадовался: шутит, – это хорошо.

– Самая большая – это общий тормоз, на все колеса; рядом с ней – это газ, а самые крайние – это тормоза по бортам.

– Это как и зачем? – её глаза с сомнением уставились на педали.

– Это очень просто: про общий объяснять не буду, – он как в любой машине. Бортовые тормозят только колеса на борту, правая на правом и, соответственно, левая на левом, – это для увеличения маневренности. Ты можешь таким образом разворачиваться на месте.

– Круто, – восхитилась девушка, – отойди-ка, я попробую.

Я отошел в сторонку и с гордостью наблюдал, как ловко моя дочь орудует новой техникой.

– А где задний ход? – крикнула она, отъехав на приличное расстояние, – а, всё, нашла, – интересно придумали.

Про задний ход я как-то и не подумал, и навскидку не мог вспомнить, где бы он мог быть. Надо потом поискать. Ринка подлетела ко мне и, используя новую функцию бортовых тормозов, залихватски развернулась.

– Пап, это самая крутая тачка! Она теперь моя? – глаза её горели счастливым огнем.

– Твоя, твоя, – улыбнулся я, – готова? Тогда поехали.

Темнело быстро. Мы проехали по дороге от моста, нашли более-менее подходящее строение и решили остановиться у него, спрятав машины таким образом, чтобы их было не видно с дороги. Палатку я решил поставить прямо в доме, – благо конструкция не требовала всяких старомодных колышков. Найдя в кунге несколько стеклянных бутылок, я пожертвовал содержимым и, разбив их, рассыпал стекло в дверном проходе и под окном. Такая своеобразная сигнализация: если кто-то зайдет, то стекло обязательно хрустнет под ногами.

На улице уже окончательно стемнело, а в палатке, при свете подвесного фонаря, было спокойно и уютно.

Только наконец-то улегшись, я понял, как устал за день: всё тело гудело. Я посмотрел на девушку: ей досталось еще сильнее, – столько пережить.

– Катюш, ну ты как? – тихо спросил я.

– Да нормально всё, – не сразу ответила девушка – не парься, па. Спать ужасно хочется.

– Ты у меня очень сильная, я горжусь тобой.

– Гордишься убийцей?

– Дочка, это было вынужденно и необходимо, – начал было я, но Ринка меня оборвала.

– Нет, па, не было. Мы с тобой убийцы в самом грязном понимании этого слова. Знаешь, почему я бросила лук? Я не хотела никого убивать. Я была уверена, что стрела не пробьет череп, и целилась в голову, но позиция была неудобная, и я промазала; и второй раз – промазала. Эти промахи были случайностью. Но потом я убивала осознанно, голыми руками, прекрасно зная, к чему ведет каждый удар. Понимаешь, пап, тот парень просто хотел меня схва-

тить, – я даже догадываюсь, что он еще хотел, – но он не хотел меня убивать, а я уклонялась от его рук и планировала, как нанесу смертельный удар. В тот момент я была словно богиня, во власти которой оставить человеку жизнь или отобрать, – и мне это нравилось. Вот это – самое противное.

Я не знал что ответить. Как подобрать нужные слова? Нет, вины я не чувствовал, мы все правильно сделали, но как объяснить это дочке?

– Это место что-то изменило в нас, – осторожно начал я. – Будь мы в нашем мире, такого не было бы, сработали бы тормоза, заложенные обществом. Здесь же тормоза слетели сами собой.

Ринка права: можно было бы всего этого избежать, можно было просто разогнать их при помощи пистолета, но что бы это дало? Пришлось бы ждать, что они нападут из-за спины? Могли бы мы спокойно спать, зная, что на свободе разгуливают семь отморожков? В нашем мире мы бы заявили в полицию, и ими бы занялись, а здесь – каждый сам за себя. Но далеко не каждый может за себя постоять.

– Пап, а ты заметил, что сказал «в этом мире»? Ведь действительно, мы не в реальности, мы в другом мире, и этот другой мир диктует нам свои законы. Всё, всё это по-настоящему, и нам уже не вернуться обратно. Я не увижу друзей, маму, школу. Теперь моя жизнь здесь, жизнь убийцы и бродяги. – Ринка отвернулась и всхлипнула.

Я выключил свет и успокаивающе положил руку ей на плечо.

– Катя, мы вернемся, обязательно вернемся, и всё будет как прежде. Ни на секунду не забывай, что в этом мире мы гости, и что нас ждет наш дом!

Глава 6

Сновидений не было. Здоровый сон полностью восстановил силы и, как только взошло солнце, отпустил из своих объятий.

Я открыл глаза и посмотрел на дочку: она еще спала, свернувшись калачиком и подложив под щеку ладонь.

Выбравшись из палатки, я первым делом осмотрелся. Не заметив никаких изменений, вышел на улицу и наскоро размялся. В кузове еще оставались дрова, заботливо припасенные дочерью.

Взъерошенная Ринка вышла из дома, когда на костре уже закипал чайник.

– Доброе утро! – она с улыбкой сладко потянулась.

– Наидобрейшее! Выспалась?

– Угу, – мотнула она головой и выбралась наружу. – Что у нас на завтрак?

– Почки заячьи верченые, щучьи головы с чесноком, – принялся перечислять я известное меню. – Умойся сначала, а там разберемся.

– А ты где умывался? – спросила она, выполняя свои затейливые упражнения.

– Из канистры, там еще воды много, – я указал рукой на кузов пикапа.

Мы мирно пили чай, сидя у костра. Огонь с аппетитом завтракал сухими ветками. Болтали о том о сём, постепенно подходя к насущным проблемам. События вчерашнего вечера уже не представлялись столь яркими, и мы, не сговариваясь, старались избегать этой темы.

– Пап, а что дальше-то делать будем? – как можно беспечней сказала она, откусывая изрядный кусок от бутерброда.

– Вчерашняя встреча нам дала очень многое. Во-первых, мы тут не одни, и, в определенной степени, это радует. Во-вторых, это их машина; я уверен, что её сделали здесь, а значит, есть какое-то поселение, довольно обжитое и с местными жителями, а где есть люди – там есть и информация. Остается их найти.

– А если это поселение сплошь бандитское?

– Не думаю. Если бы они ехали от своих и не вернулись, то их наверняка бы стали искать; искать их никто не стал – напрашивается мысль, что они попросту угнали багги у мирных жителей, – с уверенностью закончил я свои рассуждения. – Может, конечно, я и ошибаюсь, но сидя тут и гадая, мы ничего не решим – нужно ехать и всё разведать.

– Хорошо тебе говорить: сейчас стоняем, всё быстренько узнаем и домой... А если нас схватят?

– Значит, не повезло. Кать, а что ты предлагаешь? Мы сейчас зацепились хоть за какую-то деталь; следующий шаг – это узнать, откуда они приехали. К тому же, мне кажется, это рядом.

– Почему рядом? Может, вообще где-нибудь в заднице!

– Не может! Помнишь, двое стояли по бокам багги? Так долго не простоишь, да и ехали они на речку.

– Ладно, согласна. Все равно что-то нужно делать, но мне страшно, – слегка смутилась она.

– Это нормально – мне тоже страшно. – Я улыбнулся и подмигнул дочери.

Пикап пришлось оставить. Проехав по поселку, мы нашли почти не разрушенный ангар и загнали туда машину. Мне не хотелось расставаться с автомобилем, но другого выхода не было: во-первых, через мост ехать на нем я откровенно боялся, а во-вторых, солярку нужно экономить, может, тут и были заправки, но пока на это ничто не указывало.

С собой взяли только оружие: если ничего не найдем, то все равно вернемся, если найдем друзей, то, тем более, – машину заберем и перегоним. Про третий вариант думать не хотелось. Патронов было мало, и я без труда разместил все в разгрузке. Приготовления Ринки ограничились тем же самым: разложив всякую мелочевку по своим карманам, она прицепила к поясу колчан, проверила нож, из своей сумки вынула наколенники и прикрыла ими ссадины. На предложение сменить юбку на штаны, ответила отказом и добавила, что она и не брала никакие штаны с собой.

– Как так? А как ты собиралась сидеть вечерами у костра? Это хорошо здесь комаров нет, а у нас тебя вмиг сожрали бы, – завел было я в очередной раз разговор о преимуществах штанов.

– Па, не тупи, на этот случай есть длинные юбки, и потом – ну сколько можно повторять: я женщина и ношу женскую одежду. Я не хочу казаться независимее и свободнее, надевая мужскую одежду, пусть её носят феминистки.

– Я не говорю про мужскую одежду, полно женских аналогов, – не унимался я, – те же джинсы отлично подчеркивают фигуру, шорты оголяют ноги, зато не задираются на ветру как юбки.

– Па, от того, что мужскую одежду шьют для женщин, она не становится женской! Давай я тебе сошью по твоему размеру юбку и скажу, что она мужская, или расскажу, что в мороз колготки под штаны надевать значительно удобнее и теплее, чем кальсоны. Ты же не будешь это носить?

– Да, – рассмеялся я, – не буду.

– Ну, вот и меня не заставляй носить мужскую одежду! – она торжествующе улыбнулась, одержав очередную победу в этом споре.

– Но все равно, будь ты хотя бы в лосинах, этих ссадин на ногах не было бы, – попытался я оставить последнее слово за собой.

– А еще лучше – рыцарские латы, тогда и топором по коленке попасть не страшно, – парировала она, и я окончательно сдался.

Последний раз оглянувшись на машину, мы вышли из ангара.

У багги произошла небольшая заминка.

– Э-э, пап, ты куда полез? – возмущенно окликнула меня Рина. – Не ты ли говорил, что это моя машина?

Я замешкался, не найдя что ответить.

– Пусти, – меня отодвинули в сторону, – я сама поведу, а ты садись рядом и наслаждайся поездкой!

– Рина, мы не на прогулке, а если что-то случится? – попытался я возразить.

– Если что-то случится, то ты будешь отстреливаться – у меня на ходу стрелять из лука не получится. – Она уже сидела за рулем, и мне ничего не оставалось, кроме как сдаться.

До моста долетели очень быстро, динамика нашего нового транспортного средства поражала своей приемистостью. У моста мы остановились, и я внимательно осмотрел конструкцию. Моё первоначальное впечатление о его состоянии было в корне не верным: оно и не мудрено – вчера я не удосужился к нему подойти. Мост явно ремонтировали, и, если посередине он и был прогнувшийся, то под колесами лежали прочные доски. Мы переехали через мост и продолжили путь. По эту сторону моста практически все дома были полностью разрушены, но груды кирпича, которые просто обязаны оставаться на месте разрушенного строения, отсутствовали. Вскоре мы поняли почему.

Ехать пришлось недолго. Километров через пять мы заметили, что дорогу впереди перекрывают массивные ворота, сваренные из крупных листов металла; от ворот по обе стороны

уходила стена, построенная как раз из того кирпича и прочих обломков домов. Все это я рассмотрел в оптику карабина, после того как Ринка, резко затормозив, свернула с дороги.

Какого либо охранения видно не было – это немного успокаивало. Прячась за домами, мы стали подходить ближе. Когда до ворот оставалось метров сорок, что-то загудело, и они, с чудовищным грохотом, стали открываться. Открывшись метра на два, ворота замерли. Из образовавшегося проёма вышли три человека и неспешно зашагали в нашу сторону. Выглядели они, по меньшей мере, странно: рост не более полутора метров, на фоне этого широченные плечи казались еще шире, головы были то ли лысыми, то ли бритыми. «Гномы какие-то», – тихо хихикнула за плечом Ринка. А самое удивительное – они были совершенно голыми, если не считать широких поясов с множеством карманов и какого-то устройства на правом предплечье.

Присев, мы затаились за полуразрушенной стеной и наблюдали за происходящим, не боясь быть замеченными. Когда троица приблизилась, до нас донеслись голоса.

– Да ну, ерунда какая-то, на хрена им куда-то заезжать? Может, показалось? – донеслось до нас.

– Может, и показалось, но проверить надо, – ответил другой голос.

– Мы на той неделе уже проверяли: полдня лесников искали, а оказалось, что Сыч обдолбался и тени испугался.

– Так то Сыч, а сейчас в наблюдателях Лесогон, это старый зверь, его тенями не обманешь, – засмеялся главарь.

– Все равно не пойму: зачем бандюкам сюда ехать?

– Вот найдем их и узнаем. Всё, заткнитесь, лучше смотрите в оба!

Разговоры стихли. Я понял, что нас заметили и, по всей видимости, приняли за бандитов. Я оглянулся на дочь: стрела на её луке ждала только натяжения тетивы.

– Стреляй только в крайнем случае, – прошептал я, – я выйду к ним и попробую поговорить.

Ринка кивнула и отступила назад, полностью скрывшись в высоком кустарнике.

Я снял с плеча карабин и положил рядом со стеной, прикрыв травой. Дождавшись, когда троица выйдет на линию Катиного выстрела, поднялся и, расставив руки в стороны, демонстрируя пустые ладони, вышел из укрытия.

Гномы – как их окрестила моя дочь – среагировали мгновенно. В мою сторону тут же вытянулись руки, и я только сейчас заметил, что у каждого на руке крепилось какое-то приспособление, занимая всё место, от локтя и до запястья; шесть тонких стволов, выглядывающих из этого приспособления, не давали усомниться в том, что это оружие.

– Руки за голову, встать на колени! – скомандовал главный, двое других зашли с флангов, не спуская меня с прицела.

– Спокойно, спокойно, я не собираюсь нападать. Я гость и пришел с миром, – быстро проговорил я, медленно опускаясь на колено.

– А мы и так спокойны, – гоготнул тот, что справа, – это тебе нервничать надо. Нет, ну вы слышали? – обратился он к товарищам, – к нам теперь бандиты с миром ходят, у-у, тварь нечистая! – он замахнулся, намереваясь огреть меня по затылку. Я сжался, готовясь перехватить его руку. В этот момент за спиной тренькнула тетива. Гном среагировал мгновенно: перекатом он ушел от стрелы и выбросил руку в сторону кустов, что-то щелкнуло, и замысловатое оружие выпустило три коротких дротика, которые со свистом скрылись в листве. Ринка вскрикнула и выпала из кустов.

– Не-ет! – закричал я, выхватывая пистолет, но главный меня опередил. Еще три дротика воткнулись мне в грудь. Боли не было. Перед глазами все расплылось и быстро погасло.

Сознание возвращалось очень медленно. Сначала появился слух.

– Папа, папочка, милый, ну очнись же наконец! – какой-то голос всхлипывал где-то вдалеке. Хотя нет – он всхлипывал прямо мне в ухо. Это же Ринка, Риночка, доченька моя, жива, слава богам!

Я попытался ответить, но голоса не было, вместо него вырвался стон. Зато получилось открыть глаза: перед глазами была какая-то пелена.

– Папочка! Очнулся! – меня обняли девичьи руки.

Я попробовал пошевелиться, но тело отказывалось слушаться. Возвращалась чувствительность, и я понял, что ужасно холодно.

– Папа, всё нормально, скоро всё пройдет, не шевелись пока! – на лицо упали волосы и я почувствовал дочкины губы на своей щеке.

Голос начинал возвращаться.

– Как ты? – прохрипел я.

– Да я нормально, в меня только один дротик попал, а вот ты три дозы схватил. Потерпи, сейчас пройдет, только голова будет болеть.

Зрение восстанавливалось, я уже различал в полумраке лицо девушки, видел, как она поспешно вытирает слёзы и улыбается мне.

– Вижу всё в темноте. – Я усиленно моргал глазами, пытаюсь сбросить пелену.

– Это тут такой свет, привыкнешь.

Я попытался подняться, и на этот раз, кое-как, мне это удалось.

– Почему я голый? То есть – почему мы голые? – удивленно спросил я, пытаюсь прикрыться еще плохо слушавшейся рукой.

– Не знаю, я очнулась несколько часов назад, в таком же виде, но здесь тепло даже жарко, это тебя от отравы знобит, скоро пройдет, не волнуйся.

Я осмотрелся. Мы находились в самой настоящей тюремной камере: три стены и решетка с дверью, выходящая в коридор. В углу было небольшое возвышение с отверстием – по всей видимости, отхожее место. Больше ничего не было – голые стены, деревянный пол и потолок. Источник света находился где-то в коридоре. Через коридор напротив была точно такая же камера, но она пустовала. Я с трудом поднялся на ноги и подошел к решетке. На двери явного замка не было: видимо дверь открывалась дистанционно, сама решетка была накрепко вмурована по всему периметру.

– Э-ей! – крикнул я, но голос, несколько раз отразившись от стен, не вызвал никакого ответа.

– Я уже кричала, пап, тут никого нет, – сокрушенно сказала девочка.

– Значит, придется подождать, – я вернулся на место. – Если бы нас хотели убить, то убили бы на месте, – озвучил я очевидное.

Словно в ответ на мои слова скрипнула дверь. В нашу сторону гулко затопали шаги, и вскоре перед решеткой появился человек. Он был такой же, как и та тройца – не выше полутора метров и с непомерно широкими плечами – ну точно гном, как подметила Рина.

– Ты! – его палец ткнул в мою сторону. – Подойди сюда!

Я повиновался и подошел к решетке.

– Повернись спиной и просунь руки вот сюда! – он указал на нужное место в решетке.

Я выполнил то, что он велел, и на моих запястьях защелкнулись наручники.

– Теперь отойди лицом к стене! Девка – всё то же самое!

Рина молча повторила процедуру и, отойдя к стене, встала рядом со мной.

– Открывай! – крикнул кому-то наш тюремщик, потайные замки лязгнули, и дверь отъехала в сторону.

– На выход!

Нас долго вели по разным коридорам и лестницам. Везде стояли огромные вазоны, в которых росли удивительные грибы, чем-то напоминающие опята, но тонкие ножки были длиной с полруки, а широкие шляпки источали фосфоресцирующий свет. Эти своеобразные светильники и наполняли каменные коридоры тусклым, голубовато-зеленоватым светом. Было жарко. Даже не жарко, а душно: воздух был сырой и затхлый, витали ароматы плесени и сырости. Тело покрылось испариной, и было не понятно, то ли это потеет собственное тело, то ли оседает влага из воздуха.

Я нигде не заметил окон, их не было и в просторном, шикарно обставленном кабинете, куда нас втолкнули в конце пути. За массивным столом сидел очередной гном. Для полного сходства с гномами он носил густую, длинную бороду, заплетенную в четыре косы. В косы были вплетены тонкие цепочки, видимо помогающие держаться волосам, а может, и просто для красоты. Густые косматые брови нависали над маленькими, но очень цепкими глазами. Лицо было всё иссечено шрамами, нос был практически расплюсчен по всему лицу. Лысый череп украшала татуировка змеи, которая как бы обвивала голову гнома, а голова змеи спускалась со лба на переносицу.

– Сними с них кандалы! – Дождавшись, когда его приказ выполнят, он указал нам стулья напротив своего стола. – Садитесь!

Голос его был густым, говорил он медленно, немного окая, что придавало его говору некий колорит.

– Меня зовут Змеебород, – продолжил он, когда мы уселись, – я предводитель этого города подземцев-отшельников, а кто вы такие?

Его цепкий взор буравил меня насквозь. Мы с Риной переглянулись, и я ответил.

– Мы совершенно случайно попали в ваш мир, в поисках людей нашли ваше поселение. Меня зовут Семен; это – моя дочь, Екатерина, и, прежде чем продолжить нашу беседу, я требую, чтобы нам вернули одежду!

– Одежду? Вам холодно? – Он явно был удивлен моей просьбе.

– Дело не в холоде, а в том...

– Мы обходимся без одежды, если в ней нет острой необходимости.

– Уважаемый Змеебород, как я вам уже сказал, мы гости этого мира. В нашем обществе одежду принято носить всегда и везде, без нее мы испытываем неловкость, стыд, если хотите.

– Стыд надо испытывать не от наготы, а от поступков своих. Одеждой срам не скроешь! – Он ударил кулаком по столу, так что я вздрогнул. В дверь тут же просунулась голова стражника. – Принесите их вещи и приведите Двумира.

Когда стражник ушел, Змеебород снова обратился ко мне.

– Вы прибыли на бандитском транспорте. Откуда он у вас? – он продолжал буравить меня взглядом.

Пришлось рассказать ему всю историю, начиная с первой встречи у реки и заканчивая стычкой с охранниками подземцев. Змеебород внимательно слушал, не перебивая и не отводя глаз; казалось, что он даже не мигал. Когда я дошел до места схватки с бандитами, он расхохотался.

– Ты хочешь сказать, что в одиночку справился с семью мужчинами? Давно меня так никто не веселил! – Он смеялся, запрокинув голову.

– Нет, не в одиночку. По правде говоря, четверых из них одолела моя дочь: двоих убила из лука, а двоих – в честной рукопашной схватке.

– Хватит! – рявкнул он. – Я поверю во всё, но только не в то, что вот эта... – он запнулся, подбирая нужное слово и осматривая девушку, – тощая пещерница смогла завалить мужчину-наземника, а тем более – двоих.

– А вот и смогла! – крикнула Рина прямо в лицо Змеебороду. – Могу на тебе показать, если не веришь.

От такой наглости Змеебород даже поперхнулся. В этот момент в дверь гулко ударили и она распахнулась. На пороге стоял Дед.

Глава 7

– Сеня, Катенька, я ушам не поверил, когда мне сказали, что поймали мужчину с девушкой! – Старик стиснул нас в объятиях, когда мы поднялись к нему навстречу. – Ребятки, это я во всем виноват. Я вам всё расскажу, но позже, сначала мне нужно переговорить с нашим уважаемым и гостеприимным хозяином.

– Прохор Никитич... – начал было я, но старик снова нас стиснул и прошептал едва слышно: – Потом, всё потом, сейчас молчите, – и, выпуская нас из объятий, слегка подтолкнул к стульям.

Следом за стариком в кабинет вошел стражник, в руках он нёс небольшой сундук – по всей видимости, с нашей одеждой, это подтверждали лук и колчан, лежавшие на плоской крышке сундука. Мы хотели тут же одеться, но старик нас остановил.

– Не торопитесь, ребята, здесь так не принято, – понизив голос, предупредил нас Прохор. – Для подземников это очень интимный процесс, и одеваться при подземнике лучше не стоит.

Мы недоуменно переглянулись, но спорить не стали, снова возвращаясь на свои места.

Змеебород молча наблюдал за нашей встречей, и когда мы повернулись к нему, обратился к старику.

– Двумир, как я уже понял, это именно те люди, о которых ты предупреждал, – начал он, прервав жестом Прохора, хотевшего что-то сказать, – я выполнил своё обещание, данное тебе. Ни я, ни мои подземцы не причинили им вреда, но они напали на мой отряд и, что хуже всего, пытались обмануть меня! – он повысил голос.

– Змеебород, мы вас не обманываем, – я был возмущен. – Отправьте своих людей к мосту, там, в кустах вы найдете их трупы! И что касается нападения, ваш человек пытался меня ударить, когда я уже готов был сдаться, а перед этим я лично вышел навстречу и пытался начать разговор, но меня отказались слушать!

– Да, Змеюшка, неувязочка какая-то, – вступился Дед, – мне ты говоришь, что никакого вреда не причинил, а на самом деле – все наоборот.

– Уж не меня ли во лжи ты обвинить пытаешься? – Змеебород взревел. – Да чтоб ты знал, он вышел один, а девица в кустах затаилась, ожидая момента для подлого удара!

– Что ты, что ты, господь с тобой, Змеюшка, ни в чем я тебя не обвиняю, даже и в мыслях не держал! – заторопился старик.

Тут встряла Рина, просто, как в школе, подняв руку. Глаза всех присутствующих уставились на неё.

– Чего тебе? – спросил Змеебород успокаиваясь.

– Дяденька Змеебородик, – нарочито по-детски начала она, чем окончательно привлекла к себе его внимание, – все были правы по-своему: ваши отважные воины были правы, приняв моего папу за бандита; папа был прав, когда вышел один, оставив меня для прикрытия – мы же не знали, кто вы такие! И я, конечно, права, когда выстрелила: моему отцу угрожала опасность. Никто из нас не питал ни малейшего злого умысла и все поступили так, как и должны были, разве нет?

Змеебород на секунду задумался.

– А у этой пещерницы есть ум! – усмехнулся он и ударил кулаком в стол.

В дверь снова вошел стражник, и Змеебород обратился к нему.

– Отправь Лесогона и двух бойцов из наземной стражи к мосту; там вы должны найти семь трупов и узнать, как они были убиты, – распорядился он.

Я объяснил, где нужно искать, и стражник удалился.

– Двумир, забирай своих гостей к себе и не забудьте вещи, – Змеебород указал на сундук. – В Подземелье у них полная свобода, но на поверхность выходить я запрещаю. Сундук потом верни!

Ринка подхватила лук и колчан, а мы со стариком взяли сундук, у которого по бокам были сделаны специальные ручки. Выйдя из кабинета, я облегченно вздохнул.

Проход вел нас по коридорам, которые то поднимались, то вновь опускались, переплетались между собой. Повсюду попадались двери, расположенные без какого-либо видимого порядка. Наконец, мы оказались перед массивными воротами. Шагнув через порог, мы очутились в просторной, сильно вытянутой, овальной пещере, уходящей от нас вперед, с каждой стороны располагались ворота, а прямо перед нами, на противоположной стороне, находилась широкая платформа, огороженная решеткой. Как позже выяснилось, это был подъемник. С платформы несколько подземников разгружали какие-то сундуки. По центру располагался подковообразный стол, развернутый фасадом к подъемнику. За столом спиной к нам сидел, по всей видимости, администратор. К нему подходили грузчики и, что-то отметив, уносили свою поклажу в указанную администратором дверь. На нас не обратили особого внимания. Старик увлек нас к одной из дверей, и мы снова оказались в коридоре. На этот раз коридор оказался довольно коротким и чем-то напоминал гостиничный. По обеим сторонам равномерно распределялись одинаковые двери. Одну из них распахнул перед нами Проход, и мы вошли в помещение с тремя комнатами.

– Вот и мои апартаменты, располагайтесь в той комнате, – указал старик нам направление, – а я пока на стол собираю.

Через некоторое время мы, уже одетые, сидели за столом и атаковали старика перекрестными вопросами.

– Всё, хватит! – остановил нас Дед. – Вы ешьте, а я вам всё по порядку расскажу.

Предложенная еда была незнакомой и по виду, и по вкусу, я бы назвал её похлебкой, но из чего она приготовлена, не мог даже предположить. Осторожно попробовав и убедившись, что на вкус вполне недурно, мы смело зашевелили ложками.

– Я вам рассказывал, что во время войны был в плену и бежал, – начал старик свой рассказ, и мы дружно закивали. – Так вот, во время побега, на теле одного, убитого мною, немца, я обнаружил некий прибор. На тот момент и много лет после я думал, что это просто фонарь, хоть и не совсем обычный. Выглядел он так, как сейчас выглядят энергосберегающие лампочки, только вместо цоколя была рукоятка с кнопкой, при нажатии на которую лампа давала рассеянный свет. Удивительно было то, что этот фонарь не требовал батареек. Я много лет пытался понять, как он работает, но так и не понял. Как диковинный фонарь он меня вполне устраивал, и я берег его многие годы. Главное же его свойство я открыл всего лишь лет десять назад. Как-то раз ночью, в грозу, приспичило мне, пардон, в уборную. Естественно, я взял фонарь и отправился по нужде. На улице приключилось такое, что я разом забыл, куда шёл! Стоило мне выйти во двор, как в мой фонарь ударила молния, с такой силой, что я упал на землю, а фонарь отлетел в сторону. Вокруг меня образовалась прозрачная, мерцающая стена. Сказать, что я испугался, не значило бы ничего. Я просто оцепенел! Придя в себя, я все-таки решил разобраться в происходящем. Я обошел вдоль стены. Круг, надо сказать, был огромен. Из-за сильного ливня, да еще и ночью, я не видел, что происходит снаружи круга. Я потрогал стену сорванной травинкой – травинка прошла насквозь без видимых повреждений, тогда я осмелел и прикоснулся пальцем, а затем и рукой – рука прошла сквозь стену, но я ничего не почувствовал. Осмелев совсем, я решил пройти туда сам, но, спасибо ангелу хранителю, в последний момент, сообразив, что за стеной крошечная тьма, подобрал фонарь. Я осторожно прошел сквозь стену, и стена тут же пропала, вместе с домом; ну, вы сами видели.

Оказавшись в полной темноте, я естественно включил фонарь. Он вспыхнул и тут же погас, оставив вокруг меня такую же стену, но диаметром не больше двух метров. Я догадался, что это дорога домой и вернулся. Я забежал в дом, меня всего трясло; признаюсь, я тут же напился и заснул. Потом уже, я разобрался, как работает мой фонарь: он – своего рода проводник, то, что я всегда считал светом, на самом деле дверь, но чтобы поставить и открыть эту дверь, нужно больше энергии, для этого нужна молния. Как проводник притягивает молнию к себе, не спрашивайте, я не знаю, но он притягивает молнию в радиусе километра. Дверь или стена держится около пяти – шести часов, а потом исчезает; когда выключается обратная дверь – я не знаю.

Мы с Риной даже перестали есть, настолько были поражены рассказом старика. Вопросы кипели в голове, и мы опять наперебой стали бомбардировать ими Прохора. Мы узнали, как он освоился с переходами, как познакомился, а потом и подружился с подземниками, что в округе есть всего три поселения. Известные нам подземники; в лесу живут лесники, но их никто не видит, пока они этого не захотят – мол, они боги маскировки. Третьи – бандиты, самая загадочная каста. Никто не знает, откуда они приезжают и что хотят. Бандитами их назвали потому, что поначалу они пытались захватить подземелье, но ничего не вышло, и они отстали, но появляться не перестали. Возможно, как думал старик, у них какие-то дела с лесниками. Вообще, мир этот огромен. Где-то есть крупные города, много людей, но оттуда никто не приезжает, а из тех, кто уходил на поиски, никто не возвращался.

– Но что это вообще за мир? – наконец спросил я. – Где мы?

– А вот этого, сынок, я не знаю, – огорченно сказал Прохор. – Я общаюсь только с подземниками, меняем с ними кое-каким барахлом, а вот истории у них нет. Есть предание: дескать, когда-то все были людьми, да-да, подземцы и лесники не считают себя людьми, как ни странно, хотя устроены, вроде бы, так же, как и мы; так вот, якобы была война, и на земле не осталось ничего живого, за исключением нескольких горсток выживших. Выжившие по крохам начинали восстанавливать род людской. Кто жил ближе к городам, ушли в город; деревенские обосновались в лесах и так далее. С тех пор прошло много лет, никто не может сказать точно, но специфика жизни изменила их тела. Видишь, как выглядят подземники? Это результат постоянной работы в шахтах. Чтобы не копать высокие своды, природа сделала их низкорослыми.

– Но потолки здесь чрезмерно высокие? – возразил я.

– Это только здесь, – усмехнулся старик, – здесь жилая часть, но под нами огромная сеть узких пещер – как они сами называют – нор. Там они добывают сырье для печей, там разводятся пещерницы – это такие крупные ящерицы, благодаря которым у подземников есть мясо, яйца и даже молоко. Да-да, это удивительные животные: хоть и ящерицы, но теплокровные, хоть и яйцекладущие, но млекопитающие. В общем, все снабжение идет из-под земли.

– Потрясающе! А кто-то кроме вас здесь появлялся? – задал я очередной вопрос.

– Когда, при первой нашей встрече со Змеебородом, я рассказал, как сюда попал, то он легко поверил – как оказалось позже, существует легенда, мол, та война стерла абсолютно всё живое, а те, кто сейчас здесь живут, – это потомки пришельцев из другого мира. Это две совершенно равноправные теории, но в обозримом прошлом ни я, ни подземники никого такого не встречали.

– Странно, – вдруг произнесла Рина, – но если вы стали хозяином перехода между мирами, почему вы скрыли это ото всех? Ведь, теоретически, ваш переходник можно изучить, копировать, ну или создавать искусственные молнии, сюда придут ученые, врачи...

– Внучка, вот поэтому я никому ничего и не сказал, – перебил он девушку. – Пойми: все беды в мире от цивилизации. В нашем мире продается и покупается абсолютно всё, вопрос только в цене. А эти люди живут по своим законам, у них самое страшное преступление – это ложь. Они даже не знают, что такое воровство. Заметь, именно не знают, сама мысль о том, что

можно украсть, им чужда. Если я обнародую этот мир, то тут сразу появятся толстосумы. Представь, каким спросом будет пользоваться гостиница, построенная вместо этого подземного поселка. Одни только туристы мгновенно всё загадят. Подземцев и лесников начнут отлавливать и изучать. У подземцев выработан иммунитет к любой инфекции, они никогда не болеют.

– Так тем более! – Воскликнула девушка. – Вы представляете, сколько людей можно спасти?

– Внучка, знаешь пословицу? «Благими намерениями выстлан путь в ад». Это я к тому, что идея правильная из благородных побуждений, но на деле окажется, что мы уничтожим эту цивилизацию, а наша так с места и не сдвинется. Это – во-первых, а во-вторых, хорошо тебе рассуждать в теории, а на практике, вот ты лично готова стать подопытным кроликом, чтобы теоретически спасти некое племя негров в Африке?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.